

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ВЕРОНИКА МЕЛАН

Тринадцатая
МАРА

Вероника Мелан
Тринадцатая Мара

«Вероника Мелан»

2022

Мелан В.

Тринадцатая Мара / В. Мелан — «Вероника Мелан», 2022

Я - тринадцатая из мар. Самая сильная или самая слабая — настоящее не определено. За моими плечами ошибка, стоившая людям жизни. Чтобы попытаться исправить хотя бы часть случившегося, я, по словам старой Веды, должна отыскать самого сильного мужчину из ныне живущих — «сильного не снаружи, но изнутри», — после чего все изменится. Согласилась бы я ступить на сложный путь, зная о том, что встречу Сидда Аркейна – потомка Древних Инквизиторов, мужчину, ненавидящего ведьм? Сохранила бы решимость, понимая, что он устроит мне самое настоящее чистилище, что нам с ним идти бок о бок по самому страшному для мар месту – Проклятой Топи? Однако, когда на кону искупление, выбор уже не стоит между борьбой за правду или раскаянием. У нас общий враг и общая «награда», и потому противостояние из ненависти не имеет смысла. Лишь бы судьба совершила обратный виток, и цена этому не важна. И потому — да, я согласилась бы.

© Мелан В., 2022

© Вероника Мелан, 2022

Содержание

От автора	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	39
Часть 2. Путешествие	47
Глава 9	47
Глава 10	54
Глава 11	59
Глава 12	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Вероника Мелан

Тринадцатая Мара

От автора

Эта книга – осенне-кофейная история, полная любви и магии. Она покажется вам тортом, отведав который, вы, вероятно, воскликните: «Но это же перец, лава и огонь! Я не могу дышать от чувств. И какие, простите, хорошие эмоции я могу получить дальше?» Но дальше, благодаря сильному контрасту, раскроются в вашем сознании такие виды вкусовых оттенков, которые вы раньше не испытывали. Так будет с отношениями между главными героями. Их невероятное противостояние заставит вас подумать: «Тут просто не может быть никакой любви!». Но она может. Я и этот чудесный роман докажем вам обратное. И да, постепенно мы отмоем ваш рот от перца до состояния чистоты, сияния и блаженства.

P.S. Никаких привязок в славянской мифологии, все совпадения случайны.

Спасибо чудесному корректору текста, солнечной Виктории Петрожицкой. Спасибо генераторам чувств Наталье Р. и Ольге С. за великолепную обратную связь по главам – вы были для меня обратным компасом эмоций. Ценно. И спасибо моей маме за любовь, за неё саму.

Часть 1

Глава 1

«Любое настроение может исправить хороший кофе и свежая булка. Если этого не происходит, править надо судьбу».

В кофейню заходят за хорошим настроением. За передышкой, минуткой отдыха, запахом расслабления, вкусом удовольствия. Работая баристой, постепенно теряешь это чувство: отвлекает жужжание кофемолки, мытье питчеров, обжигающий пальцы пар капучинатора. И все же моменты замедления ловим и мы: аромат корицы, мягкая ткань дивана, греющий ладонь стаканчик.

К десяти из печи на кухне доставали круассаны, и запах в этот момент обволакивал всех и каждого восхитительный. Кьяра умела втягивать его ноздрями, пропускать через себя и настолько ощутимо наливалась восторгом, что он бил через край. Посетители ощущали его, они шли на этот свет греться. Но Кьяры здесь нет уже два месяца, за стойкой только я и новенькая по имени Элина – девушка в высшей степени тихая и неприметная.

В зале пусто, несмотря на первый снег за окном.

В одиннадцать женщина лет пятидесяти купила две ватрушки, напиток заказывать не стала, расплатилась наличными. Спустя десять минут вошел парень – толстый и печальный. Попросил большой капучино, едва уберег от падения многочисленные книги, которые держал в руках. Студент. Взбивая молоко, я зачем-то замедлилась и нырнула на изнанку бытия – мары так умеют. Очутилась в живом сне, где каждое существо представляет собой противоположность тому, кто оно есть в яви. Обратная сторона показала, что за стойкой стоит веселый и хорошо сложенный молодой человек, не жирняк. И не печальный. На изнанке он остался тем, кем хотел стать в реальности, ему не помешали грустные убеждения о сложной жизни, непростых отношениях и неуверенность в себе. Конечно, я могла бы подмешать в капучино целительную для его разума мысль, которая способна будет повернуть его судьбу к лучшему, но я не буду. Мары не вмешиваются в судьбы, каждый проходит свой путь сам.

Студент принял картонный стаканчик, расплатился картой.

А еще через двадцать минут пожаловал наглый парень в татуировках и с проколотым ухом. Он вызвал во мне мгновенную волну отторжения и даже злости. Злость – такая простая и доступная эмоция: как легко ее вызвать, как легко ей воспользоваться. Но я старалась принимать мир целиком, людей в нем тоже. Потому что я еще не определилась, тяготею к тьме или свету, и потому на моих запястьях не горели ни черная, ни белая руны. Собственно, левое запястье, где однажды, возможно, зажжется темный символ, была зататуирована «парадом планет».

– Мне черный и покрепче, детка.

Ненавижу «деток». Только злиться мне нельзя, потому что моя злость способна вылиться вовне ударной волной – так уже случалось в прошлом. И размер разрушений прямо пропорционален силе чувства. Лучше отвлечься. Наливая кофе, я мысленно цедила фразу: «Это хороший человек. Все люди хорошие. Просто некоторые выбирают себя вести... как мудаки. Но это... хороший человек». Обычно аффирмация срабатывала, но в этот раз мое терпение лопнуло тогда, когда меня без спроса коснулись.

– Номерок свой оставь.

Я симпатичная. Наверное. С некоторых пор данный аспект бытия перестал меня волновать. И вместо того, чтобы шипеть: «Руки прочь!», я просто вложила в чужую молодую голову

мысль о том, что через несколько месяцев ему, высокому и удалому, грозит воинский призыв. Армия, где его никто не будет ценить за татухи, где будут чмырить деды, где придется каждый день доказывать, что ты не сопля на палочке.

Черные глаза посетителя подернулись дымкой, на него накатила слабость. И эта чужая слабость перетекла в меня восхитительной силой, ощущением, могущества, манной. Мы, мары, так умеем: насыпать мороки, вкладывать в чужие головы тяжелые думы, превращать чужое расстройство в собственное могущество. Это продлевает нам жизнь, ложится в копилку дополнительными минутами, и беда заключается лишь в том, что совесть моя при каждом подобном деянии не дремлет. Я не люблю чужую боль. Просто не люблю. Знаю, что многие мои старшие товарки давно и безоглядно приняли темную сторону, и уж они-то любят повеселиться над чужим горем, но я для сотворения гадостей слишком чувствительная. Могу развлечься иногда, могу вдохнуть этот наполняющий топливом «кайф» от чужого бессилия, могу позволить себе на пару минут утонуть в нем. Но на этом все. Я не подседа на него, как многие, и до сих пор не определилась, нужна ли мне для существования вечность. Потому как в вечности должен быть смысл, во всем должен быть смысл. И, если ты его пока не нашел, не стоит мучить плохими снами тех, кто и так живет безрадостно.

Мары четыре, шесть и двенадцать со мной не согласились бы. Мара номер одиннадцать – она же Кьяра – да. Но последняя выбрала свет, редко кто из нас так может. Еще реже мы способны принять в себе и то, и другое.

В общем, парень покинул кафе с мыслями куда более мрачными, нежели принес в этот зал. И про мой номер благополучно забыл.

Я какое-то время стояла за стойкой, чувствуя, как по телу пробегают волны удовольствия. Я до сих пор не знала, как работает трансформационный канал, преобразующий одно в другое, но работал он оттого не менее исправно: меня обволакивало могуществом так, будто я только что укололась. Да, на это легко подсесть.

Элина иногда смотрела на меня настороженно, даже косо, но никогда ни о чем не спрашивала.

Люди всегда пытаются нас вычислить. Одни для того, чтобы мы их излечили, другие для того, чтобы мы кого-нибудь искалечили. Бывает, некоторые ищут нас для собственных хитрых планов и манипуляций, но чаще для того, чтобы избежать в будущем, чтобы никогда не пересекаться. Элина нутром чуяла, что сблизиться со мной не стоит, и я на контакте не настаивала.

Всего ноль, а морозец уже начал кусать лицо и покалывать щеки. Неожиданно холодная и влажная от снега лавка, хлябь под ногами – осень. Когда выдавался момент, я выходила на улицу. Просто посидеть, поразмышлять, подышать стывшим воздухом. Даже померзнуть, если коротко и вкусом, тоже хорошо. С кофе, конечно же. Он на меня не влиял – ни на физические аспекты, ни на психологические. Но позволял насладиться вкусом, потому каждый раз я выбирала разный. Сегодня – с тропическим кокосовым оттенком, столь несоответствующим серому окружению города, все еще одетого в золотые оттенки неопавших листьев.

Нас находят у обычных родителей, мы у них рождаемся. И сразу изымают. Потому что человеческая женщина неспособна воспитать мару. Уже в возрасте двух чадо, не контролирующее себя, будет способно навредить или уничтожить дом – таков наш дар. Или проклятье. Родители перестают помнить о нашем существовании сразу же – удивительно, но так каждый раз случается, – мы же, будучи другими, не помним своих человеческих матерей и отцов. Нас воспитывают Старшие мары. Учат в едином Доме, где мы живем до совершеннолетия. Обучают лишь основам колдовства, потому как ему невозможно обучить – его можно постичь интуитивно. Когда ты готов, когда ты созрел. И потому одни мары, в зависимости от силы шестого чувства, определяются с выбором стороны сразу, другие ходят неопределенными до старости.

Я – тринадцатая. На данный момент – последняя из найденных, самая молодая. Говорят, тринадцатая или самая сильная, или самая слабая, бедовая. Теперь, после событий, пережитых в недавнем прошлом, я, увы, склонялась к последнему.

Если бы к моему горлу приставили нож, если бы загнали в кабинет психотерапевта и приказали поделиться своей историей, я постаралась бы сократить ее до синопсиса. И она прозвучала бы примерно так: «Я просто хотела быть как все. Влюбилась в красивого мужчину, который за мной ухаживал, распахнула для него сердце. Не знала тогда, что мару он во мне непостижимым образом вычислил, не знала, что он желал с моей помощью подобраться к закланному врагу. Не знала, что для осуществления своих планов он похитит Кьяру – единственного дорогого мне человека, – и тем самым нажмет на красную кнопку». И да, я должна была контролировать свою силу, когда разозлилась, но мой бывший соврал о том, что Кьяру похитил и изувечил другой человек, сказал, что она не первая и не последняя жертва...

Я не успела даже разобраться – сдетонировала, как бомба. Собственным черным злым отчаянием я разрушила офисное здание в центре города. И в здании погибло восемнадцать человек.

Мне никогда не отмыться.

Говорят, некоторым марам выпадает шанс на искупление. Если они совершают нечто ценное, имеющее смысл, вселенная проворачивает шестерни невидимых часов вспять. Так случилось в истории трижды.

И я не верила, что стану четвертой. Я не имела понятия, что именно нужно сделать, чтобы искупление пришло.

Мне с совершенным жить.

Но некоторое время назад я подумала о том, что Кьяра, возможно, жива. И я до боли в сведенных челюстях желала это выяснить. Если бы Веда¹ отказала мне в четвертый раз, я бы нырнула глубоко. Возможно, настолько глубоко, что приняла бы темную сторону.

Но Веда вдруг согласилась.

Этим вечером, в семь. В Верховном Доме.

Просто досидеть бы в кафе, постоять за прилавком, обслужить бы клиентов, не нашептав им в кофе. И по сырому снегу, который к тому времени, судя по прогнозу, превратится в лужи, я дошла до остановки, оставив за спиной униформу и ценные указания Элине.

* * *

Изнанка всегда честна. Она отражает, кем люди хотели бы стать, но запретили себе. Она отражает противоположности, смыслы, на ней выпирает все, что запрещено, отрицаемо, презираемо, некрасиво. Обратная сторона не знает уродливости, она – лишь зеркало, она вмещает в себя все. И не имеет расстояний. Перемещаться по ней можно, и это быстро, но всегда есть шанс угодить не туда, потому что в яви время линейно, на обороте все существует одновременно. Поговаривали, там возможно осуществить прыжок в прошлое или в будущее, но пока слухи не подтвердились ничьим деянием и потому оставались лишь слухами.

Я выбрала обычный троллейбус, потому что он подошел первым.

Никогда не любила троллейбусы: запах стариков, чеснока, больных желудков и дыханий, укоризна в обернутых внутрь взглядах, обиды на несправедливую жизнь.

Я висела на границе видимого мира и невидимого просто так, от нечего делать. Из любопытства, наверное. И прямо сейчас забавлялась видом пожилого гражданина, которых в яви стоял смиренно, держался за поручень, одет был в старое пальто и шляпу, держался интеллигентно. На изнанке же он ругался так, что пространство закручивалось спиралями.

---

¹ Веда – верховная незрячая мара, самая старая из существующих, способная видеть будущее (прим. автора).

– Уроды, мудаки, пидарасы...

Он крыл всех. Из него просто лилась вовне та злоба, которую он отрицал в себе наяву.

– Чтоб вы сдохли, твари, твари...

Ярость, задерживаемая внутри, – вещь чрезвычайно опасная. Она – оружие. Она дает кратковременную силу, призванную поразить цель или обстоятельство, которое вас пугает. Если злоба зацепилась за тело, за разум, она рушит хозяина.

Интеллигент мучился от боли в спине, шее, у него болели колени. Приличный такой гражданин лет пятидесяти. Если бы другие видели его «оборот»...

Печальная пожилая тетка, сидящая у окна, ненавидела соседку по дому; парочка, обнимающаяся у поручней, выглядела вполне гармонично. Любовь окружала их в обоих измерениях. Пока. Быть гармоничным в обоих мирах сложно, мне такие особи встречались крайне редко. Чтобы не слушать маты, я вынырнула в явь, как всплыла на поверхность – пространство сделалось четким, плотным, зафиксировалось.

Томас, мой бывший, умел выглядеть гармоничным и там, и там. Ему, как я узнала позже, помогал заговоренный камень, окружал его иллюзией, именно поэтому мне не удавалось перехватить истинные намерения лжеца. Камень этот всякий раз, когда я пыталась рассмотреть Тома на обороте, давал сигнал тревоги. И однажды меня ласково попросили: «Любовь – это ведь доверие, так? Давай друг другу доверять».

Тогда я согласилась с ним. С чего мне было искать подвох там, где его не должно было быть? И доверие в любви – это правильно, а Томас поводов подозревать себя в двуличности не давал. Он вообще отлично сыграл свою роль, изумительно. Жаль, все это я поняла позже.

Троллейбус разогнался и тормозил по мокрой дороге. До Дома Мар еще три квартала; у меня было время подумать.

Досе он, скорее всего, купил. Вычислил среди нас ту, которая ему подходит. Узнал личность точно, используя аммелиты – камни, реагирующие на нашу силу. А может, по моему родимому пятну на запястье, которое я позже закрыла татушкой. О пятне мог поведать экстрасенс. Конечно, многие из них были шарлатанами, но встречались и вполне «зрячие», особенно, если хорошо поискать и много заплатить. Томас не скупился. Ему не нужна была светлая мара, потому кандидатуру Кьяры он сразу отмел в сторону – такие, как Кьяра, способны на созидание, но не разрушение. Другие жили далеко, Идру – ведающую Мать – купить невозможно. Так что жребий пал на меня – тринадцатую мару. Полгода назад страшно наивную, как оказалось.

Когда троллейбус остановился у проезда Хайден, я вышла наружу. Моросило. Октябрь – месяц, когда воздух начинает кусаться и с непривычки кажется бритвенно-холодным, хотя температура около ноля.

Завернувшись в куртку, как в кокон, я быстро зашагала по переулку туда, где высился похожий на старинную библиотеку Дом Мар.

Мы все росли в нем. Он не дарил тепло, но дарил знания, пах свечным воском, старыми книгами и силой. Вокруг него, как сегодня, всегда шелестели высокие дубы. Ветер слабый, но деревья роняли листья, как капризные красавицы, уставшие носить одно и то же. Раньше осень казалась мне умиротворенной старушкой, настроенной на всепрощение. Но именно сейчас из-за скверного настроения она виделась мне истеричной старухой с косой. Мстительной и выжидающей. Иллюзия, конечно же. Призмы, фильтры сознания. Я все понимала. Улица всегда дарила мне силу, которую скрадывали стены и потолок. Убрать бы еще асфальт, дома, все эти перегородки, заменить их лесистыми холмами и хвойной дорогой... Но что есть, то есть.

Старая высокая дверь от нажима всем телом подалась внутрь – на ней коротко блеснул знак защиты.

Кажется, когда-то этот дом с высокими лестницами и потолками являлся библиотекой. Мы здесь росли, спали, нас здесь обучали. Только основам – о предназначении не рассказывали, да никто толком и не знал, есть ли у мар предназначение. Иногда сила дается для того, чтобы ей владеть, чтобы создавать с ее помощью хороший или плохой опыт, а вовсе не для великих, как многим кажется, дел. Даже старинные свитки, обрывки легенд, утерянные фрагменты, размытые временем картинки не раскрывали тайну происхождения мар.

Многие разъехались. Никто не жил вместе, не поддерживал друг друга, не являлся, что было бы логично, общиной. Когда мара рождается, её забирают, нарекают, обучают и отпускают. Дальше каждая сама по себе. Третья давно в Норингеме, том, что на границе с южными землями, пятая, кажется, живет вполне обычной жизнью и уже пра-пра-прабабушка, хоть выглядит на пятьдесят и каждые пять лет меняет мужа и паспорт. Четвертая известна своей мрачной жестокостью – её давно и прочно загнали в леса Потании, что не мешает ей держать местные села и города в страхе. Шестая, кажется, мелкими гадостями исподтишка накопила себе шестьсот жизни. Девятая блее лебедя на ауре, прославленная целительница.

А Веде – верховной Матери – наверное, уже за тысячу. Или за две. Возможно, я ошибаюсь. Доподлинно я знаю, что на обоих её запястьях горят руны, что означает: она приняла себя целиком. И темную, и светлую стороны. Это редкость. Её зовут Идра. Как «Гидра», но без «Г». Она незрячая, потому что лишила себя зрения колдовством сама – так делают, когда осознанно готовы получить доступ к скрытым пластам знаний, начать видеть не глазами. Кьяре двадцать пять, мне двадцать два.

И эти стены напомнили мне о том, как часто мы, несмотря на три года разницы в возрасте, шептались в спальне по ночам. Сказки, мечты, смешки. Принесенные с ужина булки в подоле; её мечты о своей кофейне, мои – о сказочном мужчине.

Только не о Томасе сейчас. Чтобы не сорвало с внутренней двери петли.

Меня ждали наверху.

Ступеней ровно тридцать шесть, перила гладкие, покрытые лаком и всегда кажутся теплыми.

– Садись.

На вид казалось, что Идре слегка за восемьдесят. Морщинистая такая бабушка с добрым лицом, которая вот-вот начнет рассказывать мудрые истории и потреплет тебя по голове. Очередная иллюзия: Веда никогда ни с кем не сближалась. Она была для всех такой же далекой, как подсвеченное солнцем облако на горизонте. Увидеть можно – дотянуться нет.

– Задавай свой вопрос, Марица Эйе.

Она в кресле, я на полу, на подушках – мы всегда так перед ней сидели. И нарекала каждую из нас именно Веда. Собственно, мне мое имя нравилось, я не помнила то, которое дала мне биологическая мать.

Трещал огонь в камине; кажется, перешептывались обои. Здесь все всегда казалось странным, ненастоящим. Будто не комната, а картонная коробка, призванная скрыть спиральные потоки вечности.

Я глубоко втянула воздух – удивительно чистый, совсем не спертый и не пыльный. Выдохнула.

– Кьяра. Жива?

Веда всегда четко отвечала на вопросы, и потому задавать эти самые вопросы следовало ясно и сформулированно.

Долгая тишина в ответ. Почему-то вразной танцевало пламя на фитилях десятков свечей, расставленных вдоль стен.

– Думала, ты спросишь про искупление.

Голос у Идры молодой и мощный, совсем не старческий. Только тихий, мощный.

Про искупление? Я полагала, оно в моем случае невозможно. Именно Веда тогда, когда я хотела оборвать собственную жизнь, запретила мне шагать в смерть. Покачала головой и что-то шепнула – меня через огромное сопротивление отпустило. Стало ясно: не время.

А теперь она говорит как будто укоризненно. Будто мой вопрос неверен в корне, будто шанс жить мне выпал не затем, чтобы искать Кьяру.

– А для меня возможно... искупление?

– Ты уже спросила про Кьяру.

Я вздохнула, под потолком прошел шелест. Как будто дубы не снаружи, как будто их ветви – под люстрой.

– Она жива? – менять вопрос, после того как задал, бесполезно.

– Она... – Идра смотрела незрячими глазами в далекие дали, а меня засасывало в черную воронку. Если сейчас скажет «нет», смысл – мой собственный смысл – пропадет. Не поможет и искупление. – Жива... Но не помнит себя.

Мой очередной выдох длился вечность. Он укутал доли и туманные дали, он создал новый мир и легенды в нем. Если Кьяра жива, память можно вернуть. Отварами, заклинаниями. Я найду всех и каждую из мар, кто-то сможет ей помочь.

«Спасибо» – именно это я уже хотела сказать, когда Веда заговорила вновь.

– Не ищи её сама, но ищи мужчину.

Я не хотела мужчину. Никакого, низачем. Нет, я не обросла ненавистью к мужскому роду, но именно сейчас и, может, в ближайшие месяцы-годы не желала с ними тесного общения.

– Не хочу мужчину.

– Слушай. – Голос Идры – как бритвенно-острая леска, как песня и как канат. – Отыщи самого сильного мужчину из ныне живущих.

В моей голове побежали кадры: ходить по качалкам? С сантиметром в руке, мерить объем бицепсов? Устроить на площади конкурс удара молотом? На глаз определять, кто жмет наибольший вес штанги? Самого сильного – где я буду его искать?

– Сильного не снаружи – сильного изнутри. Собственными принципами, характером, стержнем. И он поможет.

Кадры «качалок» благополучно растворились.

Я плыла на волнах облегчения. Значит, есть шанс. Значит. Есть. Шанс.

– Я устала.

Веда вдруг стала привычной старушкой, которой давно пора вздремнуть – знак: «Уходи». Вежливый, очень аккуратный.

Я поклонилась ей душой, поднялась с подушек. И только после спохватилась:

– Но как я найду самого сильного?

Мне не ответили: Идра, кажется, спала. Мирно трещал огонь в камине; пламя свечей стояло смиренно, будто отдавало честь.

И только у самой двери меня нагнал ответ:

– Ищи на изнанке самого немощного и слабого человека. Не ошибешься.

Дверь за мной закрылась, хотя ее никто не толкал.

Лестница вниз, бархатный ковер. Я столько раз спускалась по ней в прошлом, что она снилась мне по ночам.

Вечерний ветер щипал за щеки и ноздри на вдохе. И бодрил.

«Ищи самого слабого на изнанке» – конечно. Гениально.

Я снова стояла у входа, запечатанного охранным знаком. Морось сменилась мелким снегом, но на неделе обещали потепление. Какое-то время я вдыхала тишину улицы, мрачность каменных стен, сырость асфальта.

После в проход завернул мужик – хорошо одетый, но пьяный. И шедший относительно ровно, пока не достиг меня. После качнулся, наступил в лужу, обрызгал мои светлые штаны. И прошипел:

– Че стоишь... на дороге... Сама, дура, виновата...

Я даже порадовалась его гнилости. И метнула вслед темную стрелу, несущую картину о том, как ему с лучшим другом изменяет жена, во всех красках. Дождалась похожего на скулеж тихого потока словесной брани, а после – волны чужой слабости, на середине пути сменившейся моей силой.

Как же хорошо, когда тебя обволакивает и наполняет могуществом, когда тебе бодростью дает в мозг. Черное небо надо мной вдруг показалось мне ясным и голубым, мир – податливым и услужливым. Казалось, над моей макушкой закружился символ подковы. Удача-удача-удача – как над теми, кто срывает джекпоты в казино.

Черт, почему я просто не смещусь на темную сторону, выбрав себе «место жительства»? Наверное, потому что мое нутро подсказывает мне, что прибои кайфа недолговечны и что могущество это так же иллюзорно, как потолок в комнате Идры. Или, может, потому что я до сих пор желаю понять, как ощущается сила светлых ветров?

От моих мыслей начали замерзать пальцы в кроссовках. Крыльцо бетонное, кроссовки летние.

Наконец-то я знаю, куда двигаться.

Двинувшись на выход из переулочка, я впервые ощутила октябрьский вечер другим – умиротворенным, удивительным, несмотря на лужи и холод, почти идеальным.

Глава 2

Некоторые девушки любят сильных мужчин. Некоторые – умных. Кто-то предпочитает эрудированных, веселых, смелых, непредсказуемых... Меня всегда привлекали стильные и загадочные. Такой вот парадокс. Примитивные меня раздражали, предсказуемые утомляли, скучные напрягали, слишком веселые повергали в желание «заткнуть».

Томас Мэйсон поначалу покорила внешним видом: сшитой на заказ одеждой, умением с достоинством ее носить. После – манерами, поведением. Он был сдержан, элегантен, он был по-своему красив. Но более всего он был мистически глубок, совершенно для меня нечитаем – амулеты, камни, камни, амулеты, как я потом выяснила. Но тогда, когда он впервые вошел в кофейню, Кьяра толкнула меня в бок, потому что я зависла – мне до сих пор помнился шлейф обожания в её взгляде: «Какая же ты милая дурочка». Он был в ней столько, сколько я себя помнила. Мне всегда казалось, она мной восхищается. Или же миром, каждой деталью в нем, и я стремилась постичь её умение видеть красивое там, где все было напрочь плоским и обычным.

Мэйсон заказал двойной эспрессо, попросил подать взбитые сливки отдельно. Он был прихотлив, да.

Забирая чашку, он взглянул на меня долгим изучающим взглядом. А после изрек:
– Девушка с такими глазами не может быть обычной.

Мне было все равно, что именно он отметил: в тот момент мне было важно, что он отметил что-то. Глаза, не глаза... Да, мои глаза умели быть необычными. Иногда прохладный карий начинал отливать серым, иногда – лилово-фиолетовым, но мало кто умел подмечать детали. Томас смог сразу.

«Он, конечно же, готовился...»

Оставленная на чай крупная купюра под блюдцем, пустая чашка, мое сожаление по поводу его ухода. А после под купюрой нашлась записка: «Я тебе позвоню».

И да, он позвонил.

До сих пор не знаю, почему меня ничего в стремительном развитии отношений не смутило. Первый звонок, первое свидание, правильные фразы на нем, вторая встреча, третья, пятая. Я полагала, что встретила «того самого», потому сама желала этого. И, конечно же, все шло идеально, а как иначе? Ни единой мысли о подвохе, ни тени сомнения. Я просто отдавалась чувствам, он тоже. И он меня по-своему любил, ведь нелюбовь я бы ощутила кожей. Но любил как бомбу, которая вскоре должна рвануть и принести Мэйсону победу. Он гладил меня осторожно, с нежностью, с заботой, как гладят бок ядерной боеголовки. Он наслаждался каждой проведенной со мной минутой, потому что я являлась ключевым звеном цепи его счастливых событий.

Хорош в постели, хорош в ухаживаниях, заботлив. Безупречен – я парила. Нет, наверное, что-то интуитивно напрягало меня тогда, скребло в затылке, но я отбрасывала шепот интуиции, полагала, что тревожусь так же, как тревожится любая будущая невеста, отыскав идеального жениха. Я желала нравиться.

Моя квартира на втором этаже, балкон выходит на тихую, почти непроездную дорогу. На освещенной мягким светом торшера кухне я заваривала чай. Меня ждали плед, удобное кресло, минуты тишины, воспоминаний. В заварке – лепестки лугового цветка, хвойные спиральки, можжевеловые семечки. Вдыхая такой, ощущаешь себя на таежной поляне.

Кресло приняло мой зад со всей любовью; за окном качались деревья.

Томас...

Я планировала наше с ним будущее, он планировал свое без меня.

Когда случилось то, что бахнуло, как гром среди ясного неба, когда вдруг пропала Кьяра, я почему-то побежала сразу нему, к Тому. Привыкла полагаться на «сильное плечо», забыв, что являюсь им сама, попросила помочь разыскать подругу.

«У тебя ведь деньги, связи, возможности...»

Томас с готовностью хмурил брови, кивал: конечно, он бросит все силы, сейчас же позвонит начальнику безопасности. Все развивалось так, как ему тогда было нужно.

Почти неделя бесполезных поисков – в те дни я плохо спала по ночам, меня терзали плохие предчувствия, мутные видения. Я сделалась крайне нестабильной в настроении, моя обшивка трещала по швам.

И до сих пор помнилось утро в его офисе, когда он вызвал меня телефонным звонком. Когда взял за плечи и непривычно напряженный произнес:

– Я знаю, кто ее похитил. Кто пытал...

Меня схлопнуло уже на этих словах.

– Я его нашел...

Прозвучало имя. Незнакомое мне, мужское. А после палец указал на офисное здание, видимое из окна кабинета на верхнем этаже.

– Он работает тут. Он держал её в подвале...

Я даже не пыталась разобраться – правда или ложь. Как радиация сносит стальные двери, так мой гнев впервые выбил внутренние заклепки стремительно. Не успела сработать даже сигнализация. То, что вырвалось из меня на свободу, напоминало расходящийся в сторону невидимый напалм – очень прицельный, мегамогущий. Задрожали стекла, задрожал даже пол, затрясся стаканчик с канцелярскими принадлежностями на столе. И вышел за пределы стен.

Так срабатывает взрыв. С той лишь разницей, что воронка уничтожает все по диаметру – моя же сила сотрясла фундамент указанного здания, где, как я полагала, пытали Кьяру...

Я пыталась удержать ненависть, я пыталась вернуть дверь на место. Но офис по ту сторону улицы начал оседать, как картонный. Трещины по стене, поломанные балки, ставшая вдруг трухлявой арматура. Хорошо, что я не задела соседние, хорошо, что прицельно. Если теперь я вообще могла использовать слово «хорошо».

Я держалась за виски, чтобы не завизжать от ужаса, страха и ярости. То, что случилось, было плохо, я сделала многократно хуже и не могла обернуть процесс вспять. Там внутри на моих глазах гибли люди, а я, белая лицом, пыталась содрать с собственных щек кожу. Шок, ужас, онемение... Лишь Томас смотрел на происходящее со странным затаенным восторгом – так малыш впервые наблюдает взлет ракеты в космос. Или слушает рвущий перепонки фейерверк.

Восемнадцать человек. Погибло всего восемнадцать, потому что был выходной. Случись рабочий день – и жертвы исчислялись бы сотнями.

Я помню, как бежала прочь из его офиса, неспособная даже понять, что делаю, зачем, куда...

Минуты, часы и дни после слились для меня в сплошное дерьмо из отчаянного стыда, ужаса, вины и желания сдохнуть.

Я отыскала его через три дня, когда сумела начать ходить, не шатаясь. Мэйсона. Вечером, в клубе. Окруженный незнакомыми девицами, он был весел, он был пьян, он был счастлив. Недобро счастлив, зло счастлив, если существует такое понятие.

– Что ты... празднуешь?

«Как ты смеешь?»

– Ну как же... – Он даже не стеснялся собственных чувств. – Мой враг погиб в том здании. Я два года не мог к нему подобраться: охрана и все такое. Теперь у меня нет конкурентов, Мариза, представляешь?

Наверное, в тот момент я сдержалась лишь потому, что скользнула мысль о том, что заключенный в стенах рухнувшего здания конкурент мог оказаться случайностью, совпадением. Ощущая, что меня начинает рвать на части так же, как в офисе, я бросилась прочь, чтобы не сделать еще раз то же самое: не снести напрочь стены клуба, не разорвать на куски незнакомых баб, диджея, Мэйсона...

Мэйсона, который более ни разу мне не позвонил.

Все мои попытки оправдать его рухнули вместе с этим фактом.

Думаю, старая Веда не стала бы прерывать мой суицид, если бы я тогда не сдержалась и утопила в обломках клуб. Я поставила бы на себе крест перед вечностью, я бы перестала быть тринадцатой, я бы стала Кровавой Марой.

Собственно, именно поэтому я не шла на встречу к Мэйсону и теперь. Зная, насколько непрочны мои заклепки вокруг ядерного центра, я не могла рисковать. Единственный смешок мне в лицо обеспечит взрыв его головы. В прямом смысле. Его башка разлетится, как гнилой арбуз, и ошметки мозгов окажутся на стенах. Его, охранников, работников здания. И под этими балками я уже намеренно похороню себя.

Все эти недели, обучая себя жить заново среди мрака в собственном разуме, я думала о том, что должен быть другой план, другой выход. Мэйсон никуда не денется. Однажды я доберусь до него, научившись себя контролировать и бить прицельно. Не хочу быть тупой марой, марой-нервной-идиоткой, почившей в собственные двадцать два. Ошибки случаются. И единственная правильная вещь после совершенной одной – не сделать вторую.

Мне снилось, что я вновь сижу на подушках перед Идрой. Опять шелестят под потолком дубовые кроны, а меж ними заплетаются облака.

– Это будет сложный путь.

– У меня не бывает легких путей.

– Путь, полный боли...

«Я уже знаю, что такое боль. Не смей... Она меня больше не пугает»

Её слепые глаза смотрели укоризненно.

– Ты пока ничего не знаешь о боли. Все, что с тобой было, было ничем...

Тревожные слова. Плохие. Но от поиска Кьяры я не откажусь.

«Можно жить без прощения, но монотонно, спокойно. Без потрясений».

«Пусть будут потрясения, Идра. Пусть меня вывернет наизнанку, но я сделаю то, что должна».

«Да будет так, Мариза».

Последние фразы прозвучали немо, в воздухе. И подушки растворились, сменившись привычной кроватью.

Глядя в темный потолок, я думала о том, что с утра начну плести заклинание на обороте. Не то, которое приведет самого слабого человека ко мне, но которое приведет меня к нему. Призыв к объекту. На изнанке ворожить сложно, потребуются силы. Я закрыла глаза.

Глава 3

Ворожить я пришла в парк.

Так правильнее, когда вокруг тебя растительность: непокрытая асфальтом почва, деревья – все умножает силу.

И какое-то время сидела на лавке, слушала шелест крон. Удачный выдался день по погоде, солнечный, ясный. По-своему теплый, с осыпающейся с ветвей листвой, мирный, ласковый. В такой хорошо катить перед собой коляску с малышом и слушать детский смех на площадке. Мечтать о прекрасном, верить, что осенью тебя посетят потрясающие идеи, воплотив которые зимой, ты встретишь долгожданный жизненный успех с первой весенней капелью. В такие дни хочется творить исключительно хорошее, доброе, светлое, чтобы кому-то во благо. Не ждать благодарности, но жить благодарным, дышать солнечным светом, быть им.

И все же, к делу.

На изнанке парк выглядел идентичным, разве что чуть более размытым, прохладным. Сразу после «нырка» у меня по привычке обострились зрение и слух. Долетел чей-то голос с противоположной стороны площади – там сидел какой-то забулдыга. Он трясся, что-то бормотал о том, что у него вечный стресс, что ему нужен психотерапевт, группы, поддержка. Что он устал, что ему нужно выпить. Глотал водку бомж прямо из бутылки. Когда проглотил всю, достал откуда-то шприц, закатал рукав мятого пиджака, принялся колоть в вену наркоту.

Я вынырнула лишь для того, чтобы убедиться в том, что на той же самой лавочке в яви сидит и прямо сейчас разговаривает по телефону деловитый бизнесмен. Вполне себе спокойный, без коучей и наркоты. Вот же разница.

Прошагала мимо меня молодая красотка с собачкой на поводке. Цокот шпилек, яркая помада, дорогие духи, тело, очевидно не вылезавшее из спортзалов и спа. На обороте дама оказалась крайне неряшливой, имеющей вес под сто пятьдесят. Неухоженная, грязноволосая, без косметики, в рваной кофте. «Жирнота» шла неуверенно, волочила ножи в тапках, зыркала на всех с униженной ненавистью и причитала: «Оставьте меня... Оставьте меня в покое...»

Вот тебе и наглядное воплощение собственной ненависти.

От прохожих пришлось абстрагироваться.

Итак, мы ищем слабость...

Силу на изнанке отыскать куда проще, ей оборотная сторона кишит. Ведь люди склонны к тревожным мыслям, люди склонны видеть в себе изъяны, а не достоинства, и потому явь полна слабаками с масками на лицах. На обороте же много веселых, крепких, успешных людей – тех, кто не воплотил все это в реальность.

Слабость... Немошность... Безразличие... Апатия... Безнадега...

Я ткала серебристую змейку, которой следовало вычислить максимальную концентрацию перечисленных мной чувств.

«Ищи того, кто сдался, кто плывет по течению, кто не сопротивляется».

Змейка клубилась туманом и смотрела на меня яркими фиолетовыми глазами. Взглядом пустым, но очень цепким.

«Ищи того, кому все равно. Кто не желает бороться».

Она слушала, как ищейка.

«Пошла».

Мелкий серебристый уж как лента сорвался с поводка и начал пробираться по слоям изнанки. Нюхать энергетические слои, прислушиваться, наблюдать. Мое внимание без отрыва, и сложно было сдерживать тошноту, пока уж быстро менял локацию и глубину пластов – чертовы качели. Все равно, что сидеть на палубе, которая качается в пятибальный шторм. Удержаться можно, но приятно мало.

Лента серебристой кожи ныряла куда-то в туман, я мысленно ныряла за ней. Ускорялась, замедлялась, резко сворачивала и ощущала себя так, будто нахожусь во многих районах города одновременно. Наверное, я бы свернула эту деятельность, оказавшись физически противной, через несколько минут, чтобы выдумать другое заклятье, когда змея вдруг рванула вперед с такой скоростью, что я едва успела мысленно зацепиться за её хвост.

Она остановилась перед размытым домом, состоящим из лиан. На обороте стены всех домов выглядят странно: некоторые сотканы из веток, иные – из досок, третьи – из материала, похожего на бумагу. Я успела прочитать плавающую надпись на углу строения: «Голейн 14», – а после уж метнулся в подъезд, стремительно, как веревка, привязанная к истребителю, взлетел по лестнице на четвертый этаж, застыл перед дверью с номером восемь.

Она нашла! Мой змейка, моя дымка нашла самого слабого человека на обороте. Вот только в квартиру нельзя: мало ли. И мой шепот превратил змею в марево поверх двери. Когда обладатель минует проход, его окутает фиолетовое свечение – так я узнаю жильца. Сумев наспех гарантировать себе «не потерю» обладателя максимальной слабости, я (на собственный страх и риск) рванула на улицу Голейн прямо через изнанку.

Хорошо, что мне повезло. Что я вынырнула возле того самого дома номер четырнадцать, стены которого в яви оказались бетонными, выкрашенными в бежевый цвет. Спокойный небедный квартал, далекий от моего, широкие дороги перед подъездом, выделенная парковка. Успевшие покраснеть рябины за низкой оградой, практически увядшие от недавних холодов поздние цветы на газоне.

Я стояла за стволом толстого дерева, наблюдая за подъездом и силясь сориентироваться.

Подниматься в восьмую квартиру нельзя. Если там живет самый сильный человек этих мест, то сталкиваться с ним лицом к лицу, не имея плана, глупо. Сначала бы присмотреться, принюхаться, прикинуть вариант возможных действий. Вот только как выманить объект из квартиры на улицу, что применить?

Пока я прокручивала в голове «выманки», железная дверь, пикнув домофоном, распахнулась, и на крыльцо шагнул молодой парень в веселой красной куртке. Кудрявый, одухотворенный лицом, полный жизненных сил. И я вопреки всякой логике обрадовалась – это наверняка он! Здоровый, энергичный, не потерявший энтузиазма, полный планов и надежд. С таким будет легко, он молод, он еще наивен, он...

На парне отсутствовала фиолетовая дымка.

Не он.

Значит, не проходил обладатель красной куртки через нужную дверь, значит, вышел не из той квартиры. Я чертыхнулась, я на балл померкла настроением.

Принялась опять размышлять над ворожкой, но через минуту дверь подъезда распахнулась опять.

И хорошо, что меня держал древесный ствол, потому что нечто странное случилось со всем моим существом, накатила слабость. Она накатила не на меня – на все пространство; поверх того, кто шагнул на крыльцо, мерцала фиолетовая пыль.

«Значит, вот ты какой, жилец квартиры номер восемь...»

Мужчина около сорока. Складный, довольно высокий, физически развитый. С темной щетиной на волевом подбородке, жесткие черты лица, хорошие такие плечи...

Мне стало холодно. Он был силен, он был чертовски силен, и интуиция моя до того натужно взвизгнула тормозами, что меня в прямом смысле оглушило. «Не приближайся! Не приближайся!» – мигал сигнал. Никогда, ни за что.

Я не могла понять логику. Да, хорошо, он силен, но откуда страх? С чего мне его бояться?

Человек в белой рубашке тем временем, не замечая слежки, перешел дорогу, подошел к черной машине, распахнул дверцу.

Он собирался уехать. Мне пришлось скинуть с себя непонятное оцепенение: он сейчас уйдет. Нужно было срочно что-то решать, и я скрутила в пальцах знак магнита. Бросила по воздуху, распределила его поверх автомобиля, убедилась, что машина покрылась мерцающей пылью. Магнит сработает мыслью-приманкой, как только водитель откроет дверцу снова. Чужая мысль о том, что нужно посетить некое место, прочно войдет ему в голову, заставит поехать туда, куда он ехать не планировал. Вторую сторону магнита я прицеплю к двери кафе. Незнакомец не будет знать, что влечет его в заведение Кьяры, толкнет дверь, осмотрится. Закажет кофе. А я, тем временем, сумею рассмотреть и оценить его.

* * *

На слабаков магнит действует очень быстро, мгновенно.

Появляется зуд выйти на улицу, отправиться в путь, направление выбирает не логика, но интуиция. У слабаков магнит временно замещает осознанность, становится единственным навязчивым желанием куда-либо попасть. Скорее, как можно скорее.

Два часа дня. Мы с Элиной, кажется, успели сварить двести чашек кофе: с утра случился наплыв офисных работников и студентов.

Три тридцать.

Я привела в порядок бумаги по бухгалтерии, сделала заказ на выпечку, проверила кухню: кафе, несмотря на отсутствие Кьяры, должно работать идеально. Чтобы, когда она вернется, здесь все было так же, как до ее исчезновения.

Четыре пятнадцать.

В перерывах я протирала полки от крошек, возвращала витринам идеальный блеск, обновляла заклинания, отпугивающие крыс, насекомых. У нас всегда чистый пол, ни одной щели в стенах, куда мог бы забраться клоп.

Шесть вечера.

Магнит не сработал? Быть такого не может. Это был очень крепкий магнит – сотканный наспех, но железобетонный по силе. Водитель к этому времени попросту не мог не покинуть авто, и, значит, он давно уже под воздействием Magne Cau – вращающегося знака, насылающего наваждение. Но сюда не явился.

Без двадцати семь. Без пятнадцати.

В одну минуту восьмого дверь впустила внутрь того, кого я ждала. На приход кого надеялась – мужчину в белой рубашке.

И мне снова моментально поплохело рядом с ним – пришлось возводить кокон-защиту. Бронестойкий экран. Нас разделяло десять шагов от прохода до стойки, а меня уже морозило.

«Он не знает, что его привел магнит. Он вообще не знает, что его привело сюда нечто особенное, не знает про меня».

Незнакомец приблизился. Мне казалось, я дышу морозным воздухом.

Красивое лицо, если бы не равнодушный взгляд. Темные волосы, очень ясные, очень светлые глаза. Жесткие и красивые губы.

Он положил обе руки на прилавок, и я интуитивно убрала с него свои.

– Кофе, – бросил он единственное слово.

«Какой?» – хотела спросить я, но на меня смотрели так, что это слово мне выдавить не удалось. Я вдруг поняла, что незнакомец давно сбросил с себя магнит, равно как и фиолетовое марево, что он знал о них с самого утра, знал, что его ждут здесь. Долго не ехал специально, выжидал. И теперь смотрел так, что мой позвоночный столб оброс кристалликами льда.

Он не играл в игры. Идра не ошиблась, сообщив, что самый слабый на изнанке мужчина окажется самым сильным в яви. Вот только мне теперь казалось, что я совершила ошибку, отыскав его.

– Принеси и себе тоже, – послышалось спустя паузу. – Жду тебя за столом.

Он уже хотел отвернуться, когда я заставила себя отмереть. Пришлось принять вид баристы «не при делах», улыбнуться прохладно, качнуть головой.

– Простите, не пью кофе с посетителями.

Он просто отвернулся, зашагал к столику у стены. И в его молчании мне слышался ответ: «Как хочешь. Это ты меня искала, не я тебя».

В этот момент стало ясно, что я сварю себе капучино. И принесу его туда же, куда и стакан с очень горячим и крепким эспрессо.

Интуиция противилась тому, что я собиралась совершить. Она стонала, как ржавый падающий кран, – истошно, надрывно. Но ведь верно – это я его искала. Значит, нужно собраться с силами, подсесть, попытаться, несмотря на отсутствие подготовки и плана, поговорить.

Внутренний кран валился: гнулась к земле стрела, лопались тросы, летели дождем осколки стекла из кабины.

Оказывается, я отвыкла от ощущения собственной беспомощности: марам оно вообще не свойственно. Когда играешь пластинами реальности, как картами, привыкаешь манипулировать могуществом в той или иной степени.

Сейчас, глядя на профиль человека, занявшего стол у стены, я понимала, что если шагну к нему ближе, то шагну в пропасть.

Пришлось на секунду зажмуриться, стряхнуть необъяснимое оцепенение.

«Все еще может оказаться проще – стоит только понять его, раскусить».

– Заменишь меня пока? – адресовала я тихий вопрос помощнице. Та кивнула.

Глава 4

У него были очень странные глаза. Иногда казалось, что они светло-голубые, иногда зеленоватые. Иногда белые. И этот белый цвет вокруг черного зрачка, окруженный плотным кольцом-окантовкой, заставлял меня нервничать более всего.

И первую минуту, глядя друг на друга, мы молчали, как молчат оппоненты, приготовившиеся к бою.

– Думаешь, вешать на человека магнит – это правильный поступок?

У незнакомца был низкий голос, и я, державшая руки на коленях, вдруг ощутила себя тряпичной куклой. Куклой, свитой из тяжелых веревок. Мои руки – канаты, вместо кулаков – тяжелые узелки, и эти узелки тянут вниз как гири.

Он знал обо всем. О моих заклинаниях, о том, что я – мара. Играть с ним не имело смысла. Как, впрочем, и отвечать на вопрос, потому что вопросительная интонация была одновременно обвиняющей и любая фраза выглядела бы теперь оправданием. А оправдываться я не желала, никогда этого не делала. Ни перед кем.

А еще он ненавидел мар. Он презирал нас, и презрение его теперь въедалось в мою кожу разъедающей пылью, силилось проникнуть внутрь.

– Знаешь, кто я? – спросил незнакомец, не дождавшись ответа. – Знаешь, кого именно ты искала?

Я не знала.

На его запястье блестели серебристые часы – дорогие, но сдержанные. Их край выглядывал из-под манжеты рубашки.

– Я должна была найти тебя.

Мне казалось, я сижу в зале суда перед обвинителем. И любая моя попытка открыть рот лишь усугубит положение, но не исправит его.

– Ты нашла меня еще утром...

«Он знал».

– ...но, вместо того чтобы подойти по-человечески, ты попыталась принудить меня отыскать тебя.

Ничто не укрылось от этих странных глаз, от его внутреннего внимания. И да, я нашла его утром, и нет, я не могла подойти сразу: не была готова. Как оказалась не готовой к диалогу в подобном тоне и теперь. Не тогда, когда тебя «с порога» обвиняют. Хотя, конечно, было в чем. Или не было – подумаешь, магнит...

– Безобидное заклинание...

– Подавляющее свободную волю.

Первый штамп: «Виновна» – опустился на невидимую бумагу. И это начинало злить. Проблема в том, что в своей злости я почти неуправляема, и потому вновь попыталась подавить эмоции.

– Я хотела попросить тебя о помощи.

– Меня?

Это слово вывалилось камнем – тяжелым булыжником. И покатило с горы, рискуя спровоцировать фатальный камнепад. Что-то шло не так, все, если честно, шло не так.

«Кто ты такой?» – прощупать его не получалось. Не получалось даже сбросить оцепенение.

– Что же ты такого натворила, маленькая мара?

Последние два слова и вовсе прозвучали как уничижительное ругательство. Будто не было в мире ничего более мерзкого мар, даже жуки навозные – и те лучше...

Мне вдруг стало совершенно ясно, что наша встреча – ошибка. Еще не фатальная, но близкая к этому. И потому следовало незамедлительно дать задний ход. Я нечасто признаю себя проигравшей, но, если это следует сделать для собственной выгоды, пусть даже эта выгода заключается в позорном побеге, я это сделаю.

– Я приношу тебе извинения. Кем бы ты ни был. Я зря искала тебя.

– В твоих словах не звучит раскаяние.

Второй штамп: «Виновна» – поверх приговора. Да что же это за черт...

– Давай расстанемся на этом.

– Сядь.

Он произнес это слово, когда я наполовину встала. Услышав команду, я рухнула обратно на мягкий диван как безвольный тяжелый куль.

– И расскажи мне о том, что же ты натворила.

«Никто и ничто не заставит меня раскрыть рот».

Голубые в этот момент глаза холодно посмеивались.

– Расскажи мне о своих грехах.

«Не дожدهшься».

Тяжело качнулась во мне ярость. Рассказать ему о своих грехах? Каких? Как воровала булки из столовой? Или сразу начать с «потяжелее»? Да кто он такой, чтобы я перед ним исповедовалась!

– Не дожدهшься.

– Дождусь. Начни с главного. С самого плохого.

Уже ни в какие ворота.

– Нет.

– Да.

И это его «да» сотрясло воздух. Не для других посетителей кафе, не обращавших на нас никакого внимания, но в нашем личном персональном пространстве, выделенном для двоих. Кажется, на меня с тревогой смотрела Элина – я не могла повернуть лицо, меня парализовало. Тело и волю. Трепыхался разум, набирал обороты гнев, грозил переполнить котел, но к гневу вдруг добавился страх. Почти ужас, потому что я не могла противиться приказу. Этот мужик хотел, чтобы я рассказала ему о своем самом страшном грехе, и я никогда и ни за что не собиралась этого делать, но мое тело... Мое тело мне уже не подчинялось. Оно сидело, сложив руки на стол в позе «школьницы-отличницы», и ГОВОРИЛО! Моим ртом! Моим голосом! Невзирая на внутренний визг, оно монотонно и ровно произнесло прямо сейчас ту правду, которую никто не должен был слышать.

– Я своим бесконтрольным ударом, совершенным в ярости, разрушила здание на проспекте Беркеен. Восемнадцать погибших.

Вот так. Без предисловий и без надрыва я сама себя сдала. И поверить не могла в то, что только что случилось! Да какая ему разница...

Нет, я не подозревала о том, кто сидит напротив – мне уже не было до этого никакого дела! – но мужчина медленно закрыл глаза. В них что-то изменилось за секунду до этого, и подкатила к горлу тошнота. В воздухе появилась ярость – не моя, чужая, – и она была куда тяжелее моей. Моя по сравнению с ней была каплей в океане.

Голос незнакомца прозвучал спокойно, без эмоций.

– Что ж, я рад, что нашел того, кто это сделал. Теперь ты будешь страдать. Иди за мной.

Он поднялся из-за стола.

Наверное, если бы у меня были когти, я бы пробороздила ими столешницу, оставила бы в дереве глубокие рытвины. Но когтей не было, и лишь истошно звонко лопались в моей башке невидимые лески, сдерживающие внутреннюю конструкцию, когда я, в высшей степени этого не желая, поднялась и пошла к выходу за мужчиной в рубашке.

На меня смотрела Элина. Она даже выкрикнула негромко:

– Мариза... Мариза?!

Я уходила, не сказав ей ни слова, не оставив указаний. Как безвольный манекен, как тупоголовый голем, отыскивший своего хозяина.

* * *

Спустя сорок минут я снова сидела за столом – на этот раз за кухонным. В той самой квартире номер восемь в доме на улице Голейн. Столешница темная – кажется, мраморная – холодила ладони; хозяин квартиры сейчас стоял у окна, ко мне спиной. Он был не здесь, он о чем-то думал, что-то вспоминал, и только расходились от его фигуры зловещие волны.

Мой мозг еще никогда не работал так быстро, предельно. И я больше не сдерживала ярость – мне нужно отсюда сбежать. Пусть она разрушит эти стены и этот дом – я должна выбраться наружу, чего бы мне это ни стоило. Если погибнут другие, если опять неконтролируемый удар, так тому и быть: я впервые осознанно согласилась на это еще раз – как заяц, которому все равно, в кого полетят стрелы охотников. Лишь бы не в него. Ярость моя, однако, ничего не разрушала, потому что сраный незнакомец создал защитный кокон вдоль стен квартиры, и вся моя мощь, вместо того чтобы разбивать перекрытия и фундамент, утыкалась мокрым носом в поролон. Никогда не ощущала ничего противнее. Тот самый случай, когда в центре фонит гамма-излучением, а на выходе – слабые радиоволны попсовой песенки.

– Ты опять не держишь в узде свою злость.

Голос тихий, полный укоризны. А еще – спокойного бешенства, которое ощущаешь лишь позвоночником.

Да кто он такой вообще? Зачем он привез меня сюда? Что я ему сделала? И почему не могу с ним совладать?

– Давай... разойдемся... мирно.

Внутри меня бурлит черный вулкан, и это нехорошо, крайне опасно.

– Уже нет.

– Что... я тебе сделала?

На краю стола лежит вилка. Я отвлеку его разговорами, заговорю, метну. Я превращу ее зубья в тончайшие ядовитые иглы – хватит одной царапины, чтобы сдохнуть.

– Если я это озвучу, то убью тебя. – Он не шутил, я понимала это не шестым, но всеми чувствами сразу. – А смерть – это слишком просто.

Значит, совсем не шутки, значит, бьемся насмерть.

Вилку я взяла в руку осторожно, чтобы она не звякнула.

– Не делай этого.

Мне все равно, чем он видел, каким местом и каким взглядом, мне нужно было успеть.

Широкая мужская спина, хорошая шея, мощная, модельная стрижка – наверное, недавно обновил. Я принялась мысленно ткать вокруг вилки смертоносное заклятье, наполнять металл черным ядом.

– Ты еще не поняла, что теперь я контролирую твою волю?

«Хрен тебе».

Вилка в моем воображении стала черной, пузырящейся. Она уложит при касании стадо буйволов.

Даже хорошо, что на квартире защита: от моей ненависти ладный дом давно бы уже превратился в кирпичи. Жаль только, что на изнанку не прыгнуть: человек у окна лишил меня этой возможности дистанционно. Зубья у воображаемой вилки вытянулись, истончились.

Решил меня за что-то засудить, решил, что я буду страдать? Страдай сам!

Он повернулся как раз тогда, когда я подняла руку для броска, когда, вложив в него всю испепеляющую ненависть, метнула зажатый предмет.

И грохнула ответная ярость. Брошенная мной вилка, не пролетев и десяти сантиметров, застыла в воздухе. А незнакомец процедил:

– Возьми её.

Отчаянная попытка ему не сопротивляться: «моя воля – не твоя».

– Возьми!

И мои пальцы сжались вокруг серебристой ручки.

«Нет, только не это...»

– А теперь воткни её себе в руку!

Я не хотела, я бы никогда...

Но я с размаху засадила зубья в собственную левую ладонь и мысленно заорала так, что полопались капилляры пространства. Я потеряла способность орать наяву, мои связки, кажется, порвались еще до того, как взорвалась боеголовкой боль. Немо орал каждый мой рецептор, каждый оголенный нерв, каждый сантиметр пространства вокруг. Я дышала тяжело – я вообще не понимала, как могу делать это после сковавшего горло спазма.

А этот монстр наклонился близко – его грудь прямо над гребаной вилкой, торчащей из моей левой руки, – и процедил почти ласково:

– Еще раз попытаешься на меня напасть – и воткнешь ее себе в глаз.

Он мог это сделать. Одна фраза – и рукоять будет торчать из моей башки.

Я дышала быстро: рваный выдох, рваный вдох. Красная пелена от боли, и его ледяные глаза напротив.

Кто ты?

Адски, невыразимо больно.

И за что?

Глава 5

Вечер.

И я висела на невидимых цепях. Они были растянуты к стенам, вделаны в них, но обычный человек ничего бы не увидел. Только мои руки, распятые, как на кресте, только меня, повисшую посреди комнаты как клоун-неудачник.

Теперь я боялась этого мужика отчаянно. Обнажились все инстинкты выжить, и впервые оголился животный страх. Убить мару сложно, иногда почти невозможно, но незнакомец мог сделать это по щелчку пальца. Он растянул меня на иллюзорных цепях в пустой комнате, предварительно выдернув из тыльной стороны ладони вилку, равнодушно бросив её на пол. И даже не дал перевязать рану. А лечить ее в подобном состоянии, когда тебе закупорили все магические поры, невозможно. Ни дернуться, ни сбежать. На запястьях – кандалы; страх подкосил колени. Никогда раньше я не испытывала подобного. И все же не сдалась. Да, моя воля периодически подводит меня, но разум еще работает, часть парализованных сил все еще при мне. Еще не все потеряно.

– Трепыхаешься?

Он наблюдал за моими внутренними эмоциональными потугами с равнодушным любопытством.

– Что тебе нужно... от меня?

Я плевалась, как черная жаба.

Я найду способ, я найду выход. Пока жива.

– Чтобы ты страдала.

– За что?

Он молчал долго. А когда заговорил, его слова мне не понравились, как, впрочем, и все те, что он изрекал до того.

– Ты никогда не задумывалась над тем, как жила бы без своей силы? Нет? Тебе всегда все преподносилось на блюдечке. Ведь можно по щелчку пальцев навести на любого человека морок, трансформировать его кошмары в свою радость. Соткать «отсос», «крест», «черворут»...

Я никогда не ткала «отсосы». Остальные, впрочем, тоже, ибо не принимала в себе темноту. Я не сдавалась ей даже тогда, когда пребывала в наисквернейшем расположении духа. «Отсос» забирал у человека силы по капле, передавая их владелице заклятья, «черворут» погружал в безумие, «крест» провоцировал неприятности – от сломанной ноги до смерти. Зависело от силы шепота и от намерения ворожеи.

– Я не плету... такие. Никогда не плела.

– Не принимаешь собственную злость? Думаешь, у тебя её нет?

– А у тебя?!

Он смотрел мне в глаза, не мигая, и мне вдруг стало ясно, что свою он давно принял. И потому у него нет слабостей на изнанке. Он принял себя целиком – в гневе, в бессилии, в бешенстве, заранее позволил себе совершать все неправильные и немислимые поступки. Никогда не видела таких экземпляров. Я свою не принимала, нет... Не могла.

Ну почему я не могу окунуться на обратную сторону, почему не могу найти выход?

– Чего ты боишься, маленькая мара? Я проведу тебя через это все.

– Если я так тебе насолила, почему просто не убьешь?

Увы, в памяти ни зацепки, ни сучка – где, когда я могла перейти ему дорогу?

– Смерть – это очень просто.

Во мне клубилось сейчас столько дерьма, что я напоминала себе электрический вихрь, поднявший в воздух все существующие в мире нечистоты, лишь бы использовать их себе на пользу.

– Мне нужна твоя боль.

Ненавижу маньяков, ненавижу психопатов. Я бы убила его сейчас всеми доступными мне методами. Я бы делала это неоднократно, если бы могла, и тот, кто стоял передо мной, читал все мои желания, как открытую книгу. Как очень противную, примитивную, гадкую книгу, судя по взгляду. Глаза белые, а за ними чернота. Боль?

– Я убью тебя, – прошептала как сбрендивший робот, – доберусь однажды. Если не сейчас, то позже.

– А если я сделаю вот так?

Он щелкнул пальцами и произнес: «Обесточить». Просто слово. Одно СЛОВО! А из меня тут же ушли силы. Как будто бешено гудящие провода вдруг уснули, опали. Как будто кто-то перекрыл вентиль с надписью «мощь» и, уходя, вырубил рубильник. Я попыталась прикоснуться к привычному могуществу и не нашла его. Ни капли. Выдохнула судорожно.

– Нравится?

Какое-то время я скребла взглядом по котлу, секунду назад полному кипящим варевом, а сейчас пустому, высохшему. А после не смогла даже заорать: ярость ушла тоже – оказывается, на нее требовалась энергия, которой больше не было.

Пустота внутри, вялость, ни движения, ни искры.

Лишь боль в проткнутой ладони и пульсация боли в голове.

– Ненавижу тебя.

– Это хорошо. Я этому рад.

Я ничего не понимала в том, что происходит. Этим утром моя жизнь выглядела обычной, нормальной. Да, в ней присутствовала печаль от прошлого, в ней грела надежда на иное будущее. «Самый сильный человек поможет...» Вот он! Самый сильный человек... И что?

– Тебе не подчинить меня. – Я не могла ему простить содеянного. – Можешь заставить краткосрочно подчиняться мое тело, но тебе не подчинить мой разум.

– Думаешь? – он помолчал. – Тебе не стоит злить меня. Один приказ – и ты разорвешь себе горло собственными руками, вырвешь трахею и начнешь выцарапывать себе глаза, будучи живой.

Хреноее всего было понимать, что эти картинки могут стать моей реальностью. Несмотря на все мое внутреннее сопротивление, могут.

Но не сдаваться же.

– Мой разум...

Я не успела договорить, я даже не знала, чем именно продолжу фразу, но мужчина подошел ко мне очень близко. Произнес тяжело и легко одновременно.

– Твой разум я могу подчинить тоже, маленькая мара. – Он прикоснулся к моему подбородку теплым пальцем, приподнял его. Я ощущала тепло мужского тела, запах его кожи – сила ушла, а суперспособность чувствовать осталась. – Ненавидишь меня? Я могу заставить тебя любить меня так сильно, как ты никогда никого не любила и не полюбишь. Желать, страдать, сходить с ума.

– Не можешь.

Я смеялась, потому что не могла не смеяться. Все, что угодно, но это – нет.

– Давай проверим. Люби меня.

Он произнес это просто. Но в мою кожу, в мои клетки, в перегородки между клетками вьелся этот приказ, и по телу начало разливаться тепло. Я не понимала, что это. Я становилась еще слабее, чем до этого, но все еще не верила, что у него получилось. Я не буду любить его...

А его лицо очень близко. Его запах парфюма удивительно приятный, мужской, такой, каким бы я хотела ощущать его на избраннике. И это ни о чем не говорит.

– Попробуй меня поцеловать, – процедила зло, – я откушу тебе язык и выплуну его на пол.

Именно это и я собиралась сделать (и дьявол – свидетель: у меня бы хватило на этот поступок кишок). Любовь делает человека слабым, но она не входит ни в кого вот так по приказу извне. Даже если он придушит меня после этого, я уйду для себя победителем.

– Я поцелую тебя, – очень тихий ответ, странно теплый и прохладный, – и ты ничего не сделаешь с моим языком. Посмотрим?

Он коснулся моих губ до того, как я успела завизжать, и будто переключилась реальность. Будто вся наша война осталась за пределом касания, будто главным стало мое тело, желающее этого прикосновения. У меня возникло странное чувство, что я ждала этот рот, его обладателя и этот поцелуй всю жизнь. Где-то очень глубоко внутри. И да, язык скользнул мне внутрь, и ни единая мысль не посетила мое сознание, что нужно что-то сделать. Что-то плохое... Лишь потянулось навстречу нечто робкое и ласковое, не знавшее о том, что снаружи идет противостояние, не помнящее, что нужно звенеть мечами, кого-то ненавидеть.

Осознание всего этого и еще тот факт, что поцелуй заканчивается, а я впитываю его, как пятнадцатилетняя девственница, впервые прижатая к стене подъезда хулиганом, заставили меня открыть глаза.

Оказывается, его глаза тоже были открыты.

Очень глубокий, очень прямой взгляд. Неожиданно я провалилась в него, как в колодец. Сквозь время, сквозь пласты веков, сквозь толщу бытия. И увидела себя ведьмой – такой, какими наши прародительницы были в прошлом. А его – мучителя – Главным Инквизитором. Я так плотно погрузилась в то, что было нашим общим прошлым, что больше не могла дышать. Мы когда-то уже так смотрели друг на друга, когда-то очень давно. И в наших сердцах сияла такая яркая любовь друг к другу, которая не заканчивалась с окончанием жизни, с последним вдохом. Но более всего остального, пребывая в этом колодце, меня поразило знание о том, что Инквизитор убил меня тогда. Несмотря на свою и мою любовь. Наверное, он был обязан – такова его миссия, работа, долг... Он сделал это.

Черная вспышка – меня отбросило назад, меня выкинуло из видения. Но ощущение нашей настоящей любви в прошлом осталось, и оно ударило меня под дых куда сильнее «вилки» и последующего «обесточивания». Даже сильнее приказа: «Люби».

То чувство было настоящим. Между нами. Значит, я и этот человек уже встречались когда-то, возможно, мы с ним встречаемся в каждом воплощении. Но помнит ли об этом он?

– Мой язык цел.

Я более не могла на него смотреть. Я впервые ощутила себя по-настоящему поверженной только теперь. И не могла отличить, что текло по моим венам – навязанное чувство или же истинное, очень прочное, жившее между нами когда-то.

И я поняла кое-что еще. Перед мной потомок Инквизитора. Их мало осталось в этом мире, как и нас, и их магия иная. Она гасит ворожбу мар, как ветер – спичку. Она изначально существует, чтобы блокировать, чтобы прессовать, подчинять. Отлавливать, убивать.

«Что он сделал со мной тогда? Заколел? Отправил на костер?» Жаль, что из прошлого я не увидела больше, в памяти остался лишь долгий, предшествующий трагедии взгляд. И мне впервые за долгое время хотелось плакать.

Почему настоящее чувство я ощутила здесь и сейчас? Находясь в этом дерьме! И не свое даже чувство, а свое в прошлом, втекшее в мои вены заново?

«Инквизитор», стоявший сейчас передо мной, наблюдал за сменой эмоций на моем лице с тенью жесткого удовлетворения. Что бы ни случилось между нами когда-то, эта его версия меня ненавидела.

– Спокойной ночи, мара, – произнес он, когда понял, что я сдулась. Что я молчу, что внутри меня более не бегают черные искры, что вулкан погас. – Хороших снов.

Он оставил меня висеть на цепях. Наедине с болью, с пеплом от былой ярости, кружащей в воздухе моего умолкшего мира. Наедине с недоумением, растерянностью от случившегося видения, наедине с непривычной жалостью к себе.

«Я любила его когда-то».

Хотелось сжать кулаки, но болела рука. Я любила его там по-настоящему, и самое худшее заключалось в том, что это не инквизиторское колдовство, – я это понимала. Как и то, что этому чувству нельзя позволить просочиться наружу, ибо эта слабость в прямом и переносном смысле меня убьет.

«Спокойной ночи».

И даже не заорать. Не вырваться. Не сдвинуться.

Я звякнула невидимой цепью.

* * *

Он узнал об обрушении из новостей. Самый скверный способ о чем-то узнать, самый... опустошающий.

А ведь она звонила ему утром, Лира, говорила, что выйдет в воскресенье, радовалась, как девчонка.

«Почему в воскресенье?» – он уже тогда почувствовал неладное, но не смог даже себе объяснить тревогу. Умел слушать интуицию, но не сказал ей достаточно, не переубедил. А должен был. Сидд Аркейн – потомок великих Инквизиторов, обучивший себя всему по старинным манускриптам сам – сам, потому что отец рано ушел из жизни, – обязан был внять гласу беспокойства.

Но Лира звучала счастьем. Первая настоящая работа, как она говорила, и именно там, где мечталось. В офисе на девятом этаже, у самих Паркинсонов.

«Они хотят ввести меня в курс дела заранее – это объяснимо. К тому же, это всего на пару часов...»

К обрушившемуся зданию на проспекте Беркеен он ехал, заранее зная, что опоздал. Поседевший внутри. Он гнал по обочинам, грозя задавить пешеходов, иногда выезжал на тротуары, сигналил как бешеный.

И все равно приехал к обломкам. К груде камней и плит, из-под одной из которых торчали ее русые, залитые кровью волосы.

Он помнил траурный вид санитаров у скорой.

И черный мешок.

Он ощутил отголоски сильной магии издавна, но, будучи раздавленным, не смог четко определить след – удар рассеивался.

Но знал тогда, пообещал себе, что отыщет виновного. Чего бы это ни стоило.

И вот. Виновный... виновная... висела на цепях в задней комнате.

Сидевший в кресле с закрытыми глазами Сидд желал лишь одного: чтобы каждый раз после смерти, проклятая мара воскресала снова и снова, чтобы он мог убивать ее многократно, каждый раз извращенно, каждый раз по-новому.

Она будет видеть плохие сны этой ночью. Он постарается.

* * *

Все сны казались мне явью.

В них я тянулась к человеку, стоящему напротив, должна была объяснить ему важное – мы созданы друг для друга, мы истинная пара. Он просто забыл, но, если я обниму его, он обязательно вспомнит.

На меня смотрели злые глаза. Это пелена, обида прошлых лет, это просто... фон... Я не судила.

Приближаясь, я получала удар по лицу, отлетала в конец комнаты. Поднималась, шатаюсь, шла вперед снова. Одно касание – и все встанет на правильные места. Иногда у меня выходило добрести вплотную, почти коснуться его губ. И тогда он бил снова. Я не видела рук, не замечала движений, лишь чувствовала боль там, куда впечатывались невидимые кулаки – в ребра, в живот. Когда упала, меня, кажется, пинали. Я теряла сознание, но снова приходила в него. Мне нужно было дойти...

Глава 6

Спать на цепях невозможно. Невозможно было этой ночью спать в принципе – слишком реальные кошмары оставили на моем теле синяки. Перекрошенными казались мои внутренности, сломанными – ребра, опухшим от ударов – лицо.

Теперь, когда меня освободили от цепей, я как сломанная игрушка полусидела-полулежала в углу у дальней стены и не могла пошевелиться. Ткань моих ментальных оболочек трещала, мозг – в фарш.

Человек, проведший эту ночь в кресле, в котором сидел и теперь, смотрел на меня, и я не могла выдержать его взгляд. Разбитое тело, душа в синяках. И это, судя по всему, только начало. Утро дня, который продолжится новым адом.

За окном облака и серость, за окном, кажется, приглушили свет – собирался дождь.

Я не хотела ни есть, ни пить. Я не могла двигаться.

– Ты сделала что-нибудь хорошее в этой жизни, мара?

Послышался вопрос. На первый взгляд безобидный, если бы не зловещая аура хозяина квартиры.

– А ты прикажи мне исповедаться. Как вчера. И, может, я что-то вспомню...

– Давай я прикажу тебе прикусить язык, и ты его выплюнешь?

Я умолкла. Мой рот склеился, как от цемента.

Мы молчали долго. Он, наверное, размышлял над моими дальнейшими мучениями, я же понимала, что мне не уйти. И все же задумалась про «хорошее». Что хорошего я делала в жизни? Чтобы это считалось, чтобы имело смысл? Ничего. Добрые слова, подарки – не в счет... Что ж, как бы ни звали потомка Инквизиторов, он умел заставить меня ощутить себя полным ничтожеством.

– Я могу забрать твою силу. Навсегда.

– Забери, – отозвалась тихо. Даже не огрызнулась.

Сила, она ведь идет вкупе с огромной ответственностью, и эта ответственность давила на меня с ранних лет. Когда ты способен на многое, ты должен принимать верные решения. Однако в мой подарок с названием «могущество» забыли положить этот талант – быть сильной в правильных решениях. До сих пор было стыдно за вчерашнюю слабость, когда я, стремящаяся бежать из этой квартиры, была готова разрушить и этот дом тоже. Были бы новые жертвы.

– Значит, не боишься с ней расстаться? Тогда я надавлю на другое.

Он надавит. Я не сомневалась.

– Кто-то был у тебя в том здании? Кто-то...

«...погиб?» – я не смогла продолжить и поняла, что зря спросила об этом, что мой ад, если он и выжидал, обрушится на меня теперь. Человек поднялся из кресла, и от его гнева трещали стены. Это не за окном сделалось темно – темно для меня стало в этой комнате, очень страшно.

Он поднял меня с пола рывком за горло, сдавил пальцами. Прижатая к стене, я дергала ногами: я не имела возможности дышать, даже хрипеть. Перед глазамиплыли круги, когда я услышала чужой шепот:

– Даже не заговаривай об этом, тварь. Просто... молчи.

Один микрон до смерти.

Меня шибанули об стенку затылком так, что в башке мотнулись кровавые звезды, а после отпустили – я рухнула на пол. Ударилась еще и лбом. Если бы чуть сильнее...

Я впервые малодушно подумала о том, что иногда умирать лучше сразу. Не постепенно.

Наверное, мне дали пролежать минуту или две, позволили сполна ощутить, насколько хрупким стал мой вращающийся мир, после чего принялись вязать запястья.

– Давай прокатимся кое-куда. Проветримся.

Жесткие веревки впились в кожу колючей проволокой. И уже тогда я поняла, что от этого «прокатимся» станет еще хуже.

* * *

Куда мы ехали, зачем? Ни единой мысли. Сложно соображать, когда затылок – в осколки, а вместо головы – чугунный колокол. Дождь накрапывал мелкий, противный, когда не дождь даже – морось. Свежий воздух не радовал. Я мельком видела свое отражение в зеркале: полутруп с сероватым лицом, темными кругами под глазами, с бордовым следом от пальцев на шее. Себе не помочь даже обезболиванием: «обесточка» работала и теперь. Очень хорошо работала, так же зло, как и её хозяин.

Дом, к которому мы подъехали, выглядел мирным, белым, окруженным розовыми кустами и палисадником. Ладный забор, стриженный газон, усыпанный опавшими листьями. Идиллия, если бы не странное давящее ощущение чужого горя по периметру.

Меня выволокли наружу, подвели-подтащили к двери с искусственным венком, приделанным поверх окошка, нажали кнопку звонка. Тот, кто находился внутри, не открывал долго, но все-таки дошаркал до прихожей, отпер замок. И меня тряхнули, как куклу, – мол, давай, начинай все это впитывать.

Я не сразу поняла, чего он хочет, мой мучитель, но, когда прозвучала фраза: «Вот человек, устроивший взрыв здания, в котором погиб ваш сын», – на меня обрушилась тяжелая плита. Она замурует меня заживо, как и взгляд седой женщины, стоящей на пороге. У нее были голубые глаза – бесцветные, давно проплаканные насквозь, почти пустые. И теперь она, после секундного непонимания, посмотрела на меня так, что мне показалось: на крышку моего гроба кидают землю.

– Как... ты... посмела...

Она зарыдала. Не стесняясь изменившегося лица, она качнулась, а после заорала так надрывно, что у меня заложило барабанные перепонки – чужим ором, гневом и собственным чувством вины.

– Как!!!

Он позволил ей ударить меня в грудь – несильно: силы в старческих руках оказалось мало, – позволил ей кричать долго, пока я не перестала разбирать слова. Мое сердце колотилось в бешеном ритме, напоминающем бой похоронных барабанов. Я дергалась в чужих руках, я желала провалиться, испариться, я желала не видеть обвинения в чужих глазах, но как дергаться, когда одной рукой тебя держат за связанные запястья, другой за волосы на затылке? Как грушу для битья, как манекен.

«Вот она...»

Я поняла, что он собрался сделать. Он собрался провезти меня по всем восемнадцати домам, где погибли сын, дочь, мать, сестра, брат...

Он волок меня назад к машине силком, забросил на пассажирское сиденье.

И по пути к следующему дому принялся читать досье следующего погибшего.

– Рид Майнфилд, сорок два года, отец двоих малолетних детей.

Меня тошнило. Я боялась, что меня вырвет на собственные колени.

«Это она... Это она устроила обрушение здание... Это она повинна...»

Кто-то из них молчал, но смотрел на меня так, что окружающий мир глож. Кто-то опускался на колени и рыдал столь горестно, что мне хотелось сдохнуть прямо на чужом крыльце. Чья-то мать кинулась на меня дикой сумасшедшей кошкой – ее ногти располосовали мне лицо. Другая женщина так терзала мою одежду, будто пыталась сорвать кожу, – я понимала, что буду

помнить это всю жизнь, – отлетали пуговицы на моей одежде, трещала по швам ткань. Я теряла жизненные силы.

Разные районы, разные дома. В каждом из-за меня кто-то умер.

Муж, оставшийся без жены с детьми на руках, кинулся на меня со стулом. Я не понимала, не знала, что так можно: просто схватить в гостиной стул, выбежать с ним на крыльцо... Он ударил меня дважды ножкой в живот, после – с размаха по лицу. И мне казалось, я каждый раз умираю разной смертью – раз за разом. Хуже: я знала, что заслуживаю всего этого, что на месте того мужчины я схватила бы не стул – нож.

Водитель читал мне в машине досье. Я больше не пыталась говорить, даже не пыталась отключить слух. Мне было очень холодно, и с каждым новым домом пустота внутри меня ширилась – черная пустота, полный мрак.

«Эллисон Загвар... Тридцать шесть лет, работница столовой... Кен Макгил, двадцать восемь, клерк... Тулья Труман...»

По последним четырем газонам я уже не могла идти собственными ногами – Инквизитор меня тащил. И кто-то из очередного дверного проема орал, чтобы меня – поганую тварь – оставили тут. Чтобы меня могли запереть в подвал, чтобы меня можно было бесконечно мучить...

Снова машина. Снова стук закрываемой пассажирской двери.

Меня изнутри выжгла лава, меня выморозило студеной ночью, меня похоронил стыд. Я ощущала себя так, будто от меня не осталось меня, прежней Маризы. Никого внутри не осталось, лишь пустота и вечное одиночество, в котором мне бродить веками. Я даже не пыль вселенной, я та, кого выбросили за пределы всех вселенных, потому что такому ничтожеству нет места нигде.

К последнему дому я шла, уже неспособная чувствовать. Ни собственных ног, ни даже боли в затылке. Лишь трещины внутри, такое их количество, что любое прикосновение превратит крепкий некогда остов в прах.

Звонок в дверь. Вышел парень. Чуть за тридцать. С хорошим лицом, светлым, но пустыми глазами.

– Это она, – прозвучало сзади. – Это она... устроила обрушение на проспекте Беркеен...

Парень смотрел на меня без эмоций. Смотрел долго, и я понимала: того, кого он утратил, мое присутствие здесь уже не вернет.

– Это ничего не изменит, Сидд, – обратился к тому, кто стоял за моей спиной. – Прекрати. Мечь Лиру не воскресит.

Они знали друг друга, они, вероятно, были друзьями. Кем приходилась Лира хозяину квартиры? Сестрой?

В машине я лежала на сиденье, как червь, скрючившись.

А водитель говорил:

– То был первый день, когда она устроилась на работу. Ей не было и двадцати пяти. Светлая, невесомая. Она не заслужила смерти. Такой... смерти.

По обшивке салона, по корпусу авто резонировали волны черного густого гнева.

А я думала лишь о том, что, если бы вот так погиб близкий мне человек, я бы не единожды воткнула виновному вилку в ладонь. Я бы заставила его истыкать себя, как котлету.

Кем бы ни приходилась Лира Сидду, в тот момент я мысленно кивнула смерти, как вошедшей в дверь гостье.

Все верно, значит, так должно быть. Значит, пусть так будет.

Во мне продолжали убивающим хором плакать все восемнадцать навешенных человек.

Мне впервые было все равно, что он будет делать дальше.

Куда-то слился день – за окном стемнело. Я лежала на досках пола, закрыв глаза. Тому, кто до конца жизни будет видеть осуждающие лица в кошмарах, жить не хочется. Человека можно убить по-разному, я впервые поняла, насколько изощренными могут быть методы. Как поняла и то, что душевная боль – куда лучший яд, нежели любой другой, сваренный в котле.

Сидд умел профессионально потрошить, он имел на это право, он имел причину. И я более не задумывалась над тем, куда он ударит дальше. Я лишь желала, чтобы удар этот переломил во мне последнюю балку, чтобы рухнул потолок.

Вернувшись домой, он молчал.

А спустя несколько минут, оставив меня в углу, оделся и вышел за дверь.

* * *

Он должен был выдохнуть. Должен был пройтись. Он её сломал, как и хотел, он переломил ей каждую невидимую кость и испытывал мрачное удовлетворение. Она лежала рабом – покореженным, потасканным, с разодранной рожей, она страдала целый день, каждую его минуту.

Сидд опустился на лавку. На душе после испепеляющего гнева тихо, на душе пусто. Так в комнату, из которой вынесли хлам, проникает через открытую форточку морозец, покрывает углы инеем.

Листья под подошвами отсырели, прилипли к асфальту. Горели фонари, с неба больше не моросило. Лиру не вернуть, но он сделал так, чтобы мелкая тварь впитала в себя каждый плевок, чтобы каждый удар достиг цели.

Ни одной мысли. Ни единой, ни хорошей, ни злобной – тихо. Снаружи тихо, внутри тоже. Сидд прикрыл веки и выдохнул облачко пара.

Он собирался подняться минут десять спустя, но услышал приближение шаркающих ног и постукивание трости – к нему приближалась слепая. Очень-очень старая.

Она села рядом, и Инквизитор сразу понял, кто находится рядом, – архаичная Веда, самая древняя из мар. Он должен был напрячься – ее сила запредельна, – но даже не напрягся. Они сосуществовали бок о бок давно, и много десятилетий уже не существует органов «изгнания», а ведьмы больше не «изгнанницы». Аркейн не сомневался, для чего она пришла.

Бабка долго молчала, вокруг них от ее древней магии теперь шевелилось пространство. Плыл разогретый воздух, шептался далекий свет, плела узоры тьма.

Сидд молчал.

– Я... потеряла внучку, – скрипнул голос справа, – быть может, ты ее видел...

Ему не нужно было её слушать. Просто встать, просто уйти. Она не сможет причинить ему вреда: слишком сильная в нем кровь. Как и в ней.

Сейчас Веда казалась обычной старушкой.

– Она неплохая девочка... Глупая – да, но незлая. И она совершила ошибку.

У него напряглись челюсти – не надо пытаться его разжалобить: бессмысленно. Наверное, он продолжал сидеть, потому что на улице был свеж воздух. Прохладен, но целительно свеж.

«Давай, – думал он, – продолжай меня умолять. Нечасто Верховная веда приходит постоять на коленях перед мантией...»

– Она ведь не сама, – печально продолжила бабка, – это сделала. Влюбилась не в того да поверила в его чувство. И ведь хороший, на первый взгляд, был мужчина. Увещался только камнями, чтобы не просветить его намерения ни с яви, ни с изнанки. Вот она и попалась.

Сидду было все равно. На слова, на случившееся в прошлом, на текший рассказ. Ничто не способно изменить случившееся. Но она вышла из своего убежища, она дошла сюда, будучи слепой, – он позволит ей говорить.

– Мужчина этот дарил цветы, признавался в любви, а Мариза, она наивная...

Мариза. Ему хотелось сплюнуть от этого имени.

– ...верила, что все по-настоящему. Когда вдруг пропала ее подруга – единственный близкий ей человек, – Мара искала её. Не знала, что лжелюбимый выкрал Кьяру, не знала, что соврал, когда указал на своего врага. Нехорошие он слова использовал, злые, ткнул пальцем в чужой дом – Мариза не сдержалась.

Поздно. Даже если эта история имела в прошлом некий поворот, о котором он не знал, все равно поздно.

«Что ты скажешь мне дальше? – думал Сидд. – Чтобы я её отпустил? Будешь просить помиловать?»

Веда смотрела слепыми глазами в ночь. На ее запястьях горели обе руны – темная и светлая. У Маризы – он до сих пор с ненавистью даже мысленно произносил это имя, – не горело ни одной. Неопределенная. Ни на что не решившаяся мелкая тварь.

Он полагал, Веда, закончив рассказ, уйдет. Оставит его принимать решение самому, но она заговорила вновь.

– Семь дней и ночей после она лежала у алтаря, просила забрать её силы навсегда. Не поднималась, не отходила, молила лишить могущества.

У Аркейна от тихого голоса Веды почему-то перед глазами рисовались картинки – темный зал, свечи, множество свечей, священный камень по центру.

– ... но алтарь не ответил, а ведь бывали такие случаи в истории, когда он забирал. Если мара ошибалась так, что не исправить. А после Мариза поднялась. Ушла к себе...

Бабка замолчала, и Сидд впервые ощутил её печаль – ненавязанную, настоящую.

– Она перерезала себя... Я успела заговорить её вены в последний момент, успела сохранить ей кровь, затянула раны так, чтобы не видно. Я... приказала ей жить. Заставила. А вчера сказала искать самого сильного мужчину.

Старуха впервые посмотрела на Инквизитора прямо, и, хоть глаза ее были слепы, взгляд этот проник ему в душу.

– Быть может, ты видел её. Если так, передай, что бабушка её ищет.

Больше она не добавила ни слова. Поднялась медленно, тяжело оперлась на палку и зашагала прочь, забирая странные сдвиги пространства за собой, шепотки, светящиеся в воздухе руны.

Но Аркейн продолжал слышать речь уже в голове. Очень тихую, но различимую.

«Виновата ли линза в том, что существует? Виноват ли яркий луч в том, что падает на любую поверхность? Или же в трагедии повинен тот, кто совмещает линзу и луч под выгодным ему углом. А после пожар, катастрофа. Но виновата ли линза в том, что существует...»

Он так и сидел на лавке, хотя Веда уже ушла. Почему-то видел алтарь, у которого неделю лежала Мариза.

Так вот почему она так легко согласилась, когда он предложил отнять её силу.

Сидд понял, что замерз. Поднявшись со скамьи, он зашагал к дому.

«Виновата ли линза в том, что существует ...»

Он смотрел на неё, сидящую в углу, долго. В ее глазах покорность – ни тени вчерашней злости. Хорошо, потому что, если бы она была, он продолжил бы пытаться. Но она сделала то, что он хотел, чтобы она сделала – впитала всю черноту обвинений, она согласилась с ней, она приняла её. Единственный намек на дерзость заставил бы его убить.

Пятерня чужих когтей через лицо, след от удушья. Жалкая мара, неспособная смотреть на него прямо.

– Уходи, – бросил он глухо, зная, что, если не скажет этого сейчас, не скажет уже никогда. – Тебя ищет бабушка.

Пусть знает, что о ней просили, что за неё ходатайствовали. Что она сама ни за что и никогда не вымолила бы его прощения. Собственно, он и не простил.

И удивился, когда Марица подняла на него глаза – в них застыло ее собственное решение, несмотря на разрешение уходить. И это решение шло вразрез с просьбой старой Веды отпустить. Она была готова нести наказание дальше – не играя, не притворяясь, – но, вместо того чтобы восхититься, он ощутил один из худших наплывов ярости.

– Вали отсюда, – процедил зло. Зловеще. – Вали, я сказал.

Плюнул напоследок черным – как на плесень, как на вонючую субстанцию на хорошем деревянном полу.

Пусть знает, что даже её убийством он мараться не будет, слишком много чести, слишком много внимания.

– Не люби, – приказал жестко, отменил собственное предыдущее колдовство – пусть ненавидит его до конца жизни – и прикрыл глаза, чтобы не видеть, как она, наконец сумев подняться, проходит мимо к выходу.

Тимми прав: Лиру этим не вернуть. Наружу вышла хотя бы часть гнева.

Пусть эта тварь идет, пусть уходит.

Глава 7

Три дня спустя

Марица

Когда твое нутро выжжено напалмом, покрыто пеплом и лишь самый глубокий живой пласт натужно кровит под растрескавшейся землей из обвинений, мысли приходится выбирать осторожно. Любая, направленная не туда, станет ядовитым дротиком. А снова втыкать в себя вилки, пусть и воображаемые, мне не хотелось.

И потому – пена от кофе. Густая, местами горьковатая, местами сладковатая. Бархатная, плотная, ароматная. И облака в небе. Кьяра учила, что хорошее лечит. Я искала все то хорошее, что могла отыскать, сидя на лавке, чтобы впоследствии приложить целебной мазью хотя бы к сантиметру искореженной внутренней себя. Получалось плохо. Да чего врать, практически не получалось, но я целенаправленно держала внимание на стаканчике с кофе в руке и облаках. Что-то изменится однажды. Наверное.

Инквизитор забыл «включить» мою силу обратно. Обесточил, но на место все не вернул, и потому вот уже три дня я сидела на обезболивающих таблетках. Рука заживала медленно, все остальное, включая разбитое лицо, передавленную шею и смятые ребра, тоже.

Я ходила в кофейню, но за стойкой не стояла. Любой, кто увидел бы меня там, вызвал бы скорую, и мне хватило взгляда Элины, чтобы понять: вид у меня не просто плох – он ужасен.

Зато в заднем кабинете я пригождалась. Кто-то должен был разбирать бумаги, ставить подписи, совершать заказы. Когда я собственноручно мыла полы в подсобке, никто не осмелился задать мне ни единого вопроса: ни работники кухни, ни поставщики, ни даже уборщица, которую я временно лишила работы.

Сидеть на парковой лавочке я тоже не могла ввиду того же ужасающего прохожих внешнего вида. Еще неделю назад мне хватило бы шепотка, чтобы синяки и отметины исчезли. Я могла бы легко натянуть личину, навести в чужих умах морок, сделать... что-то, но теперь, лишенная «спецвозможностей», я равнялась по силе обычному, очень слабому человеку и училась, как будто меня вдруг лишили интернета, гаджетов и соцсетей, просто слушать мир, смотреть на него, воспринимать то, что мне в нем осталось, не гадая, удастся ли вернуть былое могущество. Да и нужно ли?

Не сама ли я однажды просила алтарь забрать у меня силу? Это сделал не алтарь, но сторонний мужчина по имени Сидд – результат одинаков.

И мне осталась лавочка на задней стороне кофейни – тихая, усыпанная листьями.

Сидд

Тимми сказал: «Забудь. Просто живи».

Он честно пытался и забыть, и просто жить. С детства привыкший к жесткой дисциплине, Аркейн пытался занять ум привычными вещами – чтением старинных книг, например, – но ум впитывать строки не хотел.

Тот же кабинет в доме отца, те же фолианты за спиной. Старое кресло, потертый край столешницы.

Сидд никогда не любил проводить здесь время, предпочитал свою квартиру, но, так или иначе, проводил его здесь много. Так вышло.

Этот дом достался ему со смертью отца.

Сложно быть взрослым, когда тебе девять, но он смог. Поблагодарил дядю за то, что тот оформил на себя опеку, отказался от переезда и попросил лишь одно: «Найми мне учителей». Никогда не мог посещать обычную школу ввиду особой чувствительности к людям, способ-

ности видеть их с потрохами. Когда внутри тебя чудовищная боевая магия, любой конфликт становится чрезвычайно опасным делом. Не для него – для кого-то другого.

Дядя сделал все, как попросил племянник: нанял педагогов, и те ходили в отцовский дом, получая щедрое жалование, многие годы, пока Сидд не вырос.

Именно здесь, в этом кабинете, благодаря старинным книгам Аркейн понял, кто он и на что способен. В этом кресле он подолгу сидел с закрытыми глазами, разбирая древние заклятия и символы, здесь когда-то читал про мар: историю, столкновения, противостояния. Собственно, он читал все подряд и всегда знал, что живет с этими существами бок о бок. Контакта не имел, чуял: встреча тех, кто изначально принадлежал разным лагерям, добрым разговором не закончится.

Но так случилось. Сначала Мариза, после – архаичная Веда...

Чтобы не ощущать их рядом, он часто уезжал: давно числился лучшим специалистом по изучению аномальных полей и субстанций, считался знатоком древнего колдовства – был часто приглашаем для решения тех задач, которые никто, кроме него, решить бы не смог. Все потому, что Инквизиторская кровь – черная, густая. Красная, если порезать руку, но чудовищно сильная на изнанке.

Одинокую жизнь скрашивала семья, точнее, после смерти дяди, ее остатки: двоюродный брат Тимми, не получивший, что удивительно, при рождении ни доли той силы, которой обладал Сидд, и Лира, конечно же. Все трое росли бок о бок, выросли. Лира, которую он часто шугал, будучи нелюдимым, совершенно его не боялась. Висла на нем, как на банановой пальме, всегда видела нечто, чем безразмерно восхищалась. В ответ на это он восхищался ей – светлой, совершенно неземной, способной постоянно чувствовать счастье.

Лиры больше нет.

А совет Тимми для него более недействителен.

«Виновата ли линза в том, что существует? Виновен ли луч...»

Луч – конкретно тот луч, упавший на выпуклое стекло и спровоцировавший катастрофу, – Сидд, если бы мог, придушил тоже. Погасил бы навечно, утопил бы во мраке. И остался еще один элемент зловещей формулы: тот, кто установил лупу и направил свет под правильным углом, – Аркейн до сих пор не знал его имени.

Его знали пропавшая Кьяра и старая Веда, к дому которой за последние три дня он подходил четырежды, стучал в дверь, но ответа не получал, понимал, что войти, взломав замок, не выйдет. Дом Мар был опутан такими сложными защитными заклятиями, что потребовался бы не один день для того, чтобы их нейтрализовать. К тому же присутствия бабки на этажах он не ощущал.

Значит, придется сделать то, чего он совершенно не хотел.

Аркейн тяжело вдохнул воздух и так же тяжело его выдохнул. Сжал кулаки, кое-как ослабил их, поднялся из кресла.

* * *

Мариза

Солнечный день, удивительно теплый. Как будто решило на мгновение вернуться лето, колыхнуть яркой юбкой, напомнить о радости. Листья подсохли, стих ветер; я привычно держала сознание пустым. Когда в нем нет мыслей, оно заполняется нужными пониманиями. Как говорится, не баламуть воду, и она очистится». Я изо всех сил пыталась.

А потом даже с закрытыми веками ощутила, как изменилось пространство. Похолодело.

Я впервые, замаскировавшись гримом, выбралась в общий парк на любимую лавку – хотелось чего-то хорошего, привычного, – и наслаждалась солнечными лучами, когда слышались шаги.

А после он сел рядом.

Я вдруг ощутила, что мне не хватает смелости повернуть голову – вспомнилось все то злое, что случилось в его квартире. Черный гнев, выгибающий стены, боль, кошмары. Пришлось задержать дыхание, успокоить нутро. Лишь затем я взглянула на Инквизитора коротко – темное пальто без единой пылинки поверх ткани, отглаженная рубашка, дорогие брюки, еще дороже обувь. Он умел быть классически стильным – об этом почему-то подумалось с глубокой грустью. Он умел быть выдержанным, как хороший коньяк; блестели на запястье знакомые серебристые часы.

А меня опять подмораживало. Нет, на настоящий гнев у меня теперь не хватило бы сил, даже на мелкую злость не хватало, но спросить с усталым цинизмом вышло:

– Ты принес с собой вилку?

«Для чего?» – немой вопрос повис в воздухе, как крыло черного ворона.

– Чтобы я теперь могла воткнуть ее себе в глаз...

Плохая вышла шутка, неудачная. Да и шутка ли? Мне стало нехорошо, потому что мое нутро промялось от волны его раздражения. Конечно же, он пришел не для того, чтобы извиниться или вернуть мне силу. Для чего-то другого, и злить его было последней мудрой мыслью, к которой я могла бы прийти.

– Не люблю примитивный сарказм.

Прозвучало это ровно, спокойно, с завуалированной угрозой – впрочем, как и любые слова, которые выпадали из его рта. Наверное, Инквизитор всегда оставался таковым или же воспринимался таковым. Не велика разница. Рядом с ним лишь мордой в пол, руки за голову и хранить молчание. Хотелось бы над этим посмеяться, но не выходило. Сковывал тот самый примитивный, первобытный страх.

Мы всегда их боялись, наших противников...

Он заговорил сам, не стал дожидаться дополнительных вопросов:

– Как его звали?

– Кого? – Я спросила это лишь для того, чтобы прояснить наверняка, хотя отчего-то поняла, о ком речь.

– Того, с кем ты спала.

Прозвучало это унижительно. Мне показалось, по моей спине только что провели лопатой, полной грязи, и на мне отпечатался липкий зловонный след.

Конечно, Сидд хотел найти оставшееся звено в причинно-следственной связи, приведшей к трагедии. Я не могла его винить: противно, но я его понимала, – и не собиралась препятствовать дознанию.

– Томас Мэйсон.

– Владелец акций «Тримсон Корп?»

– Да.

Хорошо устроилась, – нагнелось в воздухе безмолвно, – выбрала богатого.

Я никого не выбирала! Но разлепить рот не посмела – внутри опять гадко, будто в меня сходили, как в нужник.

Инквизитор больше ничего не добавил. Он поднялся с лавочки и неторопливо зашагал прочь – походка мягкая, но очень тяжелая.

Мне же, сидящей на деревянных досках, казалось, что рядом только что проехал огромный самосвал – размером с дом, с колесами выше моего роста, черный, дребезжащий каленым железом и чадающий смертоносным выхлопом.

Я выдохнула только через минуту, и, хотя парк теперь казался мирным и безмятежным, мои руки мелко дрожали.

Глава 8

Сидд

Оказывается, Мэйсон вот уже три дня не появлялся в собственном офисе. И никто из опрошенных не мог внятно ответить на вопрос: «Где ваш директор?» Если его кто-то и видел, то мельком. Он ни о чем не сообщал, не предупреждал, да и вообще, по словам секретарши, в последнее время «был сам не свой».

Аркейн умел давить и допрашивать. Его допросы напоминали тяжелые камни, тонущие в воде: круги есть – результата нет. Секретарша в приемной мелко дрожала под его взглядом, клерк, пойманный в коридоре, и вовсе начал заикаться.

Все это было странно. Сидд смотрел на дорогие коридоры и ладно обставленные офисы человеческими глазами, внутри отслеживал обстановку нечеловеческими. Нюхал, чувствовал, сопоставлял. И ничего не мог сопоставить.

Томас Мэйсон, внезапно и стремительно разбогатевший после смерти оппонента, должен был вести себя иначе: пребывать на рабочем месте, строить планы, инвестировать в новые проекты. Возможно, ему следовало расширить штат, нанять новых узких специалистов, заявить права на недоступные ранее территории. Вместо этого он пропал. Аркейн понимал, что имел дело либо с гением манипулятивных ходов, либо с шизиком.

Или же с тем, кто сильно напуган.

Все прояснилось, когда Сидд завернул к бухгалтеру.

Тот сразу поднял руки, будто защищаясь. Ему, вероятно, доложили, что по зданию ходит «некто», но, вместо того чтобы вызвать охрану, что, в общем-то, было бы логично, очень тощий человек в деловом костюме и с проплешиной начал перебирать лежащие на столе бумаги.

– Вот, вот... – суетился он после заданного вопроса о любых странностях директора в последнее время, – три дня назад он перевел внушительную сумму денег на этот счет...

Аркейну протянули выписку.

– ...и сразу после приказал мне приобрести странную недвижимость...

– Адрес.

– В том-то и дело, – бухгалтер потел, как после пробежки, – что адреса у этого дома нет. Ни улицы, ни района – очень странный объект. Но сделка между нами и продавцом состоялась. Не спрашивайте, как.

Здание «Тримсон Корп» Сидд покидал раздраженный и озадаченный.

Он поднял все свои связи, чтобы пробить банковские реквизиты, вычислить обладателя загадочного счета. Оказалось, что им являлся некий Ромаш Туурикон – владелец агентства «Обсидиан» и по совместительству сертифицированный прорицатель.

Аркейн на несколько секунд подвис, задумавшись о том, какая такая инстанция способна выдавать сертификаты подобного формата? На ум ничего не шло.

А часом позже он спустился в подвальное помещение «Обсидиана».

– Я его... просто предупредил о том, что ему грозит опасность...

Ромаш оказался полноватым мужчиной средних лет, щекастым и кудрявым. Кудри его лоснились не то от косметического средства, не то от чего-то другого; в небольшой комнате со столом по центру пахло благовониями. Воняло – Сидд описал бы это так. Забивало ноздри. На скатерти разбросаны предметы неясного назначения: перья птицы, карты, стеклянные камни...

– Какая опасность?

– Я... не знаю. Я лишь увидел её в виде очень черного пятна.

– И?

Аркейн начинал злиться. Когда он злился, это чувствовали все. Ромаш обернулся, когда в углу задрожали на подставке стеклянные пробирки с благовониями, – мелкий зудобриательный лязг усиливался.

– Я посоветовал ему уехать! Куда-нибудь подальше от города, в защищенное место, если таковое найдется. Пересидеть неделю-две...

– Пересидеть, значит.

– Да, – взвизгнул кудрявый мужчина. – И, скажите, в чем я виноват? Я лишь предупредил об опасности.

Кажется, Туурикон теперь отчетливо понимал, кто являлся той самой опасностью, а Аркейн вдруг допустил мысль о том, что Роман, возможно, не шарлатан и действительно что-то увидел.

Пробирки в углу, однако, рванули – хлынул на пол дождь из осколков. Прорицатель упал на пол, накрыл голову руками и запищал, как жук, чей панцирь собираются раздавить:

– Чего вы от меня хотите?!

Аркейн без ответа покинул помещение. Туда, где не воняло морской травой, виановой корой и чабрецовой «щеткой».

День катился вперед; шелестели оголяющимися ветвями деревья.

Сидду стоило выдохнуть. Однако вращались внутри колеса и шестерни, залит полный бак топлива. Когда Аркейн нацеливался на результат, то добивался его кратчайшими путями и в сжатые сроки. С Мэйсоном пока так не выходило.

Сложно искать дом без адреса и без координат: договор покупки, отксерокопированный бухгалтером, и впрямь выглядел странным. Кого прижать дальше, кому надавить на горло? Прорицатель не смог бы дать больше информации, даже если бы Аркейн выстрелил ему в колено.

«Просто уезжайте», – вот все, что он посоветовал посетителю.

Томас уехал. Но куда?

Проблема заключалась в том, что поисковой магией Сидд не владел. Боевой – да, защитной – да, нейтрализующей – да. Черт, он мог почти что угодно, но именно сейчас уперся в это самое «почти».

Как искать того – не знаю кого, не зная, где.

А как его самого по одной фразе: «Найди самого сильного из живущих», – отыскала недавно мара?

Его внутренний локатор вновь нацелился на другой район города, на кофейню «О'Лефли».

«Жди в гости», – процедил он мысленно.

* * *

Марица

Дважды за день – это перебор.

Собственно, Сидд был тем, чье появление в жизни даже во второй раз характеризовалось словом «слишком». Значит, ему что-то было нужно, ибо он не стал бы праздно терпеть мою компанию ради развлечения. Он продолжал меня ненавидеть. Да, держал себя в руках, да, временно посадил зубастого монстра на цепь, но смысла это не меняло.

Он толкнул дверь кофейни, и я, в эту секунду находящаяся в согнутой позе (обновляла презентабельный вид продукции на полке), ощутила нечто сродни удушью.

Посетителя узнала и Элина. Ужас, отразившийся на её лице, прочесть было несложно: «Он за тобой? Снова тебя уведет, а после вернет в ссадинах и синяках?!»

Я могла бы ей ответить: «Хорошо, если живую», – но, понятное дело, промолчала.

Инквизитор занял торцовый стул – высокий, стоящий отдельно от других. Здесь, где стойка образовывала прямой угол, находился своего рода «закуток» – скрытое от глаз цветами и высокой помолочной машиной место, где можно было поговорить. Отсутствие рядом столов, дальше только дверь для персонала. Тихое, в общем, место.

Мне пришлось взглянуть на него прямо, хотя каждый раз давалось это непросто. Слишком хорошо помнилось, что любое его слово может заставить меня удариться лбом о прилавок. Неприятное ощущение.

– Кофе? – спросила я безлико и очень вежливо.

Он на секунду задумался, будто мысль о кофе не приходила ему на ум. Но теперь, когда он понял, что был занят слишком долго, забыв про завтрак и обед, кофе был бы кстати. Человек в пальто кивнул.

Я отвернулась к кофемашине. Черный, да, очень крепкий – я помнила. Зачем-то положила на тарелку круассан – пусть будет за счет заведения. Хотела убрать, чтобы жест этот не напоминал взятку или жалобный задабривающий скулеж, но решила оставить. Захочет – съест, не захочет – выкинет.

Поставила чашку и тарелку перед посетителем. Какое-то время смотрела на чужие руки – очень мужские пальцы, ровные, с хорошо обрисованными костяшками, широкие ладони, волоски на тыльной поверхности.

– У тебя была с ним связь, – прозвучал тихий голос. Хорошо, что в кафе сейчас никого; Элина не в счет. И кажется, эту фразу я сегодня уже слышала.

– Да.

Опять не смогла выдержать прямой взгляд.

– Я хочу, чтобы ты нашла его. Мэйсона.

«Значит, не смог сам?»

– Каким образом?

– Таким же, каким отыскала меня. У вас, мар, ... свои штучки.

Еще немного, и я привыкну к плевкам в лицо, звучащим в обычных, казалось бы, словах. Возможно, даже перестану быть к ним столь чувствительной. На этот раз мне пришлось взглянуть на него прямо, и сразу же зацепил стальной взгляд. Зацепил и подвесил, напоминая о том, что любое мое трепыхание есть лишь иллюзия оставшейся силы, что и это может уйти.

– Ты «обесточил» меня, помнишь? Поиск происходит с изнанки, только чтобы нырнуть туда... – «требуется огромный запас энергии» – вместо продолжения фразы я скрипнула зубами. – След Томаса я возьму, конечно...

– Делай.

Одновременно с этим приказом Инквизитор положил руку на мое запястье, и место это опалило холодным жаром – иначе не описать. Меня запитали три солнца – так мне показалось. Сила – своя и чужая – хлынула в меня в два потока, ударила сначала, как вода по стенкам пустого таза, с гулом и грохотом, после взвилась до самой макушки. Я втянула воздух судорожно, пошатнулась – и поняла, что я скучала по этому ощущению наполненности, скучала отчаянно, жадно, как наркоман, что сейчас я могу сделать, что угодно, повертеть земной шар на кончике пальца, если захочу. Чувствуя себя ошарашенной и под кайфом, я на автомате приложила пальцы к лицу, ощущая, как мгновенно исчезают шрамы от чужих ногтей, как растворяется на шее след от удушья. Мне бы еще минуту, и я залечила бы ребра, я бы...

– Если ты сейчас не перейдешь к поставленной задаче, у тебя появятся новые ссадины.

Голос меня отрезвил. Напомнил, что здесь и к чему, заставил почувствовать жжение в том месте, где Инквизитор касался. Да, точно, Томас... Нужно прыгнуть на изнанку. Но, черт, как же хорошо вновь ощутить себя «могущей».

Я нырнула на обратную сторону, как в прохладную озерную воду. С наслаждением. Замедлилась, ощутила привычную плотность и зябкость изнанки, какое-то время рассматривала на ней Сидда – снова очень хилого, апатичного и безучастного. Напомнила себе о том, что, если сейчас оригинальная его копия уберет с моего запястья руку, обратная сторона выплюнет меня наружу, как кусок блевотины. И я ничего не успею.

Конечно же, я соткала ракету. Не боевую, «пустышку», но ракета эта, зная цель, обязательно найдет своего врага. И моя ненависть будет указкой. Она выглядела, как сверкающая боеголовка с продольным узким телом и треугольным концом. Она была злой, она была очень меткой.

«Томас», – шепнула я, активируя запал, и изнанка отделилась от меня так, будто я взлетела в прыжке на километр. Внизу облака, внизу плотная серая пелена – не видно ни домов, ни людей, ни дорог. Лишь горит красным глаз боеголовки, лишь ищет цель внутренний сканер.

А после ракета рванула вниз. Одновременно с этим провернулся глобус – сдвинулся облачный пласт, – и след ушел в ватный слой. Я за ним.

Вынырнули мы обе над лесом, над густой и черной чащей – нехорошей, чумной, – и спустя секунду я разглядела крышу одиноко стоящего на поляне дома – большого, в три этажа, кажется, заброшенного. Ракета устремилась вниз, и, вместо взрыва, который должен был последовать при касании заговоренного металла о черепицу, наваждение рассыпалось.

Что ж, цель найдена.

Я вынырнула с изнанки, как со дна, с шумным вдохом. Открыла глаза, отпустила обратную сторону, уплотнилась в яви. Сбоку – шум кофемолки: оказывается, пока я «гуляла», в кафе вошел посетитель; рука Инквизитора все еще на моей, коже под ней жарко.

– Я... нашла, – выдохнула шумно. – Он...

– Адрес.

Как ни странно, я сама стряхнула его руку со своей, потому что потекло внутрь чужое напряжение. Еще секунда – и хлынет злость.

– Там... лес вокруг...

– Адрес!

– Да нет там адреса! На километры вокруг ни дорог, ни жилья! – И на темнеющий взгляд Сидда огрызнулась: – Мне нужна карта!

* * *

Спустя десять минут мы сидели в другом заведении, куда завернули после покупки дорожного атласа в ближайшем ларьке.

– Тут, – указала я уверенно на область карты, где ни один дом не мог даже в теории существовать. Леса-леса-леса.

«Уверена?» – спрашивали меня светлые глаза, и я почему-то подумала о том, что лучше бы они были черными. Как смоль, как оникс, как ад. Тогда Инквизитора было бы проще ненавидеть. Несвоевременная мысль, очнувшись от которой, я кивнула – «уверена».

Сидд молчал, а после спросил не у меня даже – у воздуха:

– Почему прорицатель предупредил Мэйсона об опасности? И почему тот вообще отправился к прорицателю? Чувал неладное?

Вероятно, мужчина, сидящий напротив, прорабатывал в уме множество версий, включая ту, где могло существовать третье, четвертое или пятое замешанное в эту историю неизвестное лицо.

Я не рисковала отвечать, строить теории, выдвигать предположения: я находилась не в той позиции, чтобы хоть на секунду забыть о том, что нахожусь в клетке с тигром, и даже если этот тигр прямо сейчас всего лишь наматывает расслабленные круги вокруг тебя – это не значит, что через секунду не хрустнут от его клыков твои шейные позвонки. Да, мы сидели рядом, почти как друзья, но едва ли существовал на свете человек, с кем находиться рядом мне было бы более дискомфортно, нежели с человеком в пальто.

– Ты собиралась его преследовать?

Вопрос с подвохом. Тяжелый, с укоризной и злым любопытством. И я могла бы начать оправдываться, мол, да, хотела бы, но опасалась новых разрушений и жертв, однако предпочла промолчать. Любой ответ сработает против меня: «нет» выдаст во мне человека слабого, «да» подтвердит теорию Сидда о мразях марах.

– Возможно, прорицатель почувствовал тебя. Некоторые могут... чувствовать на самом деле.

На меня смотрели долго, непонятно, а мне внутри – стремно, внутри – ворох смешанных эмоций: сожаление от приобретенной и вновь потерянной силы. Помнилось, что рядом тот, кого я когда-то любила, и сложно было видеть в нем только лишь мучителя, хотя таким для меня инквизитор в этой жизни и являлся. При других бы обстоятельствах... Сплошное разочарование и вечный от его близости страх. Признаться, я ощущала себя рабом – провинившимся и получившим полное наказание, мечтающим теперь забыться, если такое возможно, слиться с вселенской тишиной, сказать себе: «Я не виновата. Больше нет», – попытаться ощутить облегчение. Хоть пылинку, хотя бы кусочек. Пусть даже иллюзорный.

Но Сидд не тот, кто отступает, – этим можно было бы восхищаться, если бы не тягостное сосущее чувство и расширяющаяся рядом с ним пустота внутри. Он вышибал из-под меня всякую почву, как будто изначально не хотел, чтобы она подо мной появлялась. Наверное, так и было.

– Возможно, он все-таки думал, что за ним приду я, – выдала я наконец, чтобы прервать душную для меня тишину.

– Почему?

– Потому что выбрал для собственного «спасения» очень правильное стратегическое место.

«Поясни», – взгляд острый, режущий. Как у следователя, недовольного, что приходится ждать продолжения «признания», должного случиться еще пять минут назад.

– Это Марья Топь. – Я очертила пальцем над картой круг сантиметров десять в диаметре. В реальности эти десять сантиметров превратятся в десятки километров непролазной чащи. – Ты не слышал о ней?

По непроницаемому выражению лица мне стало ясно, что «не слышал». И я продолжила:

– В прошлом столетии над этими дебрями поработал колдун, заключивший сделку о «формуле нестарения» с одной чрезвычайно сильной темной марой. Колдун знал, что не выполнит свою часть обещания, успеет раствориться во времени до того, как настанет момент платить, – деталей я не помню, это уже больше... легенда, – и, для того чтобы мара не покарала его семью, построил здесь дом.

Снова стук ногтем по карте.

– На дебри эти он наложил множество заклятий, высасывающих из нас силу, насылающих морок и галлюцинации. Любую ворожею Марья Топь обесточивает, как... – «...ты» – чуть не произнесла я. Поправилась:

– В общем, мы не можем использовать в этом месте никакую магию. Чем больше времени там проводим, тем слабее становимся, тонем во мраке.

Кажется, Сидд был услышанным доволен. Еще бы. Хоть кто-то нас прижал «к ногтю».

– Значит, колдун прятал там семью?

– Так написано в книгах.

– Успешно?

– Я... не знаю. Правда потеряна, а у мифов разные концовки.

– И сила Марьей Топи сохранилась до сих пор?

Мне не хотелось проверять.

– Скорее всего. Очень... монументальные колдун тогда сплел... заклятия.

– Уверен, что на меня они не подействуют.

– Возможно, но на твои приборы навигации – да. Так было задумано. Чтобы тот, кто сунется в Топь – человек или мара, – плутали по ней месяцами в забвении.

Инквизитор хранил тишину и почти минуту смотрел на меня, не мигая.

– Ты пойдешь со мной, – изрек наконец.

Еще одна печать поверх листа с принятым им и не подлежащим обсуждению решением.

– Зачем?

– Будешь моим живым навигатором.

– Но я буду обессилена, как подстилка...

По мелькнувшему во взгляде презрению сразу поняла, что выбрала не то слово – мол, ты и так.

Сидд прищурил глаза.

– Я буду запитывать тебя дважды в сутки, чтобы ты проверяла правильность маршрута.

– Сильно придется... запитывать... – процедила я, уже не сумев сдержать собственную злость: надоело получать словесные и немые пощечины.

– У меня хватит сил, не сомневайся. – Очередная пауза. – Не хочешь, чтобы Мэйсон умер?

Опять двадцать пять.

– Я просто хочу... отыскать Кьяру.

Да, черт возьми, я хочу, чтобы Томас был наказан, но еще больше хочу историю со «счастливым концом», без войн, без гнева, без вечной мести, если такое возможно, потому что смертельно устала, потому что будто лишилась части души и смысла жизни, потому что не уверена, что смерть Мэйсона мне его вернет.

– Ищи её, – вдруг произнес Сидд, и я поняла, что сейчас он снова положит на мое предплечье руку, запитает, как лампочку, – черт, как утомительно, когда тебя то включают в сеть, то выключают, – еще один вид изощренной пытки.

– Я уже пыталась!

– Значит, сделай это еще раз.

Приказ. Как с вилкой. Я дернулась всем нутром, но не подчиниться нельзя. На этот раз Инквизитор влил в меня столько «электричества», что у меня чуть макушка не задымилась. И ведь это далеко не его предел...

Кожу руки опалило, я зашипела. Бесило то, что касаний этого мужчины я хотела, я почему-то в них нуждалась – и их же боялась.

Закрыла глаза, зная, что времени опять в обрез, попыталась унять лишние эмоции, задышала спокойнее.

Я представила ее сидящей на траве, как когда-то давно. За домом у нас была лужайка, окаймленная по периметру кустами шиповника. Кусты привлекали множество бабочек, и одну из них, нечаянно обломив крыло, я как-то принесла Кьяре. Она не ругала меня, лишь покачала головой без укоризны, взяла меня за руку, сказала: «Идем», – села на траву, принялась

врачевать насекомое. Я помнила солнечный свет вокруг ее волос, ее доброту, ее негасимый душевный свет...

Бабочка в моем воображении взмыла с ладони в воздух, как до того ракета, и полетела сквозь облачную пелену изнанки, меняя квадраты рывками, как если бы пространство разбили на кубы и кадры, как если бы кто-то щелкал пультом. Один квадрат, другой, третий. Кажется, в этот раз она знала направление, знала, где цель...

Я начала рвано дышать от волнения – «найди, найди, найди». Наверное, Инквизитор не поспешил подкинуть сил, потому что мой «навигатор», хлопая крыльями, двигался быстро и уверенно, а через секунду нырнул в облачную пелену – туда же, куда до этого ракета...

– Она там же! – заорала я так громко, что на нас посмотрели все в кафе, включая официантов. Пришлось понизить голос. – Там же, где Мэйсон!

Сидд лишь усмехнулся.

– Я предполагал. Когда находишься в бегах, лучше иметь при себе козырь в виде заложника.

Я же начинала пузыриться гневом, как сосуд из черного стекла. Забыла, что на моем запястье все еще рука Сидда, что я все еще «запитана». Значит, все зря... Умер тот человек – оппонент Мэйсона, умерли те люди... Все ложь... Нет, хорошо, что Кьяру не замучили, как врал Томас, но почему все так... неправильно?

Мне захотелось выдернуть из Инквизитора всю его силу, без остатка, и так шарахнуть куда-нибудь, чтобы образовалась воронка диаметром в километр.

– Уймись.

Это обычное тихое слово, которое мамаша могла бы сказать капризному малышу, прозвучало как удар и оставило внутри красный след, как от хлыста. Я только теперь ощутила, что создала вокруг себя воронку из ярости – опасное состояние.

Обесточивание в этот раз подорвало мозг. Захотелось выть от бессилия, орать от отчаяния. То ты все можешь, то не можешь ничего. Остудил взгляд Сидда, красноречиво обещающий мне удар лбом о столешницу, если я не успокоюсь за следующие три секунды. Пришлось прикусить себе губу, сжать под столом кулаки.

Мэйсон должен трижды сдохнуть – все верно.

Вдох-выдох, вдох-выдох, спокойно, Мара, все придет, все настанет. Хорошо, что Сидд желает врагу того же...

– Ну что, я больше не должен спрашивать тебя о желании идти в Топь?

Теперь я туда пойду, да. Ради Кьяры я пройду через любые дебри – обессиленная или нет, – доберусь до цели. Да, рядом со мной будет находиться танк, чьи гусеницы уже стоят на моем хребте, и треск позвоночника будет слышаться всякий раз, когда инквизитору что-то не понравится. На протяжении всего похода, я, вероятно, буду умирать морально не единожды от ненависти, словесных пощечин, презрения. Возможно, мне прикажут напороться на сук, но я все равно за ней пойду.

Потому что, если Кьяра вернется... – «когда Кьяра вернется», поправила я себя, – что-то во Вселенной наладит ход.

– Когда... выдвигаемся? – спросила я глухо.

На моем запястье горел след от чужой руки – ладонь и пять пальцев.

– Утром.

Он должен был уйти после этой фразы, но Сидд продолжал смотреть на меня, и взгляд этот мне не нравился.

– Веселое будет путешествие, правда?

Очень вкрадчивый голос, очень многослойный вопрос.

– Для кого?

– Не для тебя.

Инквизитор забрал карту, сложил ее вчетверо, сунул во внутренний карман пальто, не произнес больше ни слова, развернулся, зашагал к выходу, и лишь полы его пальто насмеялись надо мной, продолжая фразу: «Не для тебя. И не для Мэйсона»

Он покинул кафе.

А я так и сидела, ни разу не взглянув на официантку, подошедшую в третий раз: «Готовы заказать что-нибудь?» Я молчала и понимала, что только что подписалась на самый сложный поход в своей жизни: у него будет непредсказуемый результат, в нем будет непростым каждый шаг.

Пусть из него вернется живой Кьяра. Я – не важно.

Часть 2. Путешествие

Глава 9

Я не любила машину Сидда.

Она казалась камерой пыток, так как навевала воспоминания того дня, когда в ней меня возили от дома к дому к людям, желающим умертвить меня одним лишь взглядом.

Я изо всех сил старалась отвлечься.

Утро. Мы выехали за город. Вдоль обочин тянулись поля, в отдалении стоял золотой еще лес. В багажнике лежал собранный мной накануне рюкзак – в нем палатка, спальный мешок, консервы. Я была уверена, что Инквизитор о комфорте заботиться не будет. Где-то за спиной остались привычное кафе, посетители, запах молотых зерен и выпечки. Хорошо, если мне удастся вернуться не одной, но с Кьярой.

Мысли о ней были для меня солнечным светом. Она вернется домой, конечно, и мы снова вместе будем стоять за прилавком. Совсем иначе зажужжит кофемолка, под потолком привычно засияют счастливые искорки. Каждый получивший из рук подруги чашку или стаканчик не будет знать о том, что только что выиграл «счастливый билетик»: Кьяра неизбежно подмешивала радость в кофейную пену, – лишь будет ощущать, что мир почему-то сделался ярче, красивее и привлекательнее. Нет, она не пыталась подобным образом привлекать в «О'Лефли» народ – просто не умела не делиться любовью.

Теплые размышления силились перебить тревожные: все ли я собрала в дорогу? – сложно отправляться в поход обычным человеком, а не ворожеей, способной согреть себя простецким заклинанием, – но я гнала их прочь. Пока есть шанс побыть в предвкушении чуда, нужно в нем быть.

Кьяра будет улыбаться. Она заметит, что я заменила часть техники на новую, она этим обязательно восхитится. Бордовый и оранжевый лак панелей на соковыжималке, салфетки из «Марбелз», цветочные композиции, составленные вручную...

Пока я грелась в мысленных солнечных лучах, светлая воронка пела мне песни в отдалении: «Прими мою силу, шагай в сияние, и ты познаешь удивительные вещи...» Смеялась с противоположной стороны черная: «Мара не должна быть неопределенной. Неопределенную всегда будет растаскивать в разные стороны». Размышляя о Кьяре, я приблизилась к белой ближе, чем когда-либо, и, наверное, продолжала бы тонуть в грезах, если бы не жесткий голос водителя:

– Если ты пытаешься меня этим впечатлить, то не выйдет.

Я открыла глаза в полном непонимании, к чему относится фраза. Посмотрела на Сидда, указавшего взглядом на мое правое запястье, на котором начала мерцать светлая руна. Черт, жаль, что задрался рукав, жаль, что он увидел.

Я одернула водолазку и ощутила такой контраст в настроении, будто меня сдернули с облаков и окунули в навозную кучу.

«Последнее, что я буду делать – это впечатлять тебя», – могла бы огрызнуться я, но промолчала. Расстроилась. Зачем, спрашивается, выдергивать человека из предвкушения чего-то приятного, если у этого человека впереди трудные времена? Это все равно, что отбирать последнюю корку хлеба перед грядущим голодом. Я специально пыталась насытиться чем-нибудь хорошим, зная, что вскоре буду страдать.

Мою голову заполонили темные тучи раздражения.

«Вот же сволочь!»

Нам ехать почти до самого вечера, и можно было хотя бы просто молчать, но нет же...

Следующие пять минут я тщетно пыталась вернуть себе если не благодушное настроение, то хотя бы ровное, но выходило плохо.

А новый вопрос Сидда и вовсе добил:

– Ты его любила?

«Томаса? Да какая тебе разница...»

Существуют такие вопросы, которые задаются не для получения ответа, а для того, чтобы поддеть. Для подлости. Задающий их человек не желает слышать ни твое мнение, ни «правду» – он просто мечтает вставить еще один крючок тебе в задницу, чтобы стало дискомфортно сидеть.

– Тебе есть до этого дело? – меня начала захлестывать злость. Каждый из нас может в какой-то момент выбрать вести себя гадко, но всему есть предел, и Инквизитор в моем понимании уже переступал рамки.

– Следи за языком.

О эта вечная «зловещность»!

– А ты просто прикажи мне молчать, в чем проблема? Ты же любишь марионеток, рабов. Что не так, и сразу: «Иди убейся об угол!». С тобой кто-нибудь вообще способен иметь отношения? Тебя такого разве можно любить?

Я знала, что хожу по краю. Что сейчас мне, вероятно, прикажут сделать что-нибудь неприятное – я была к этому готова. Заранее еще с утра была готова терпеть, подчиняться, причинять себе боль. Надоело, я устала. Пока у меня есть шанс говорить, я буду говорить.

Как ни странно, Сидд ничего мне не приказал, лишь процедил равнодушно:

– А я не предлагаю тебе меня любить. Твоя любовь – последнее, что мне нужно.

Вроде бы все честно. Откровенно, как и должно быть между врагами. И откуда бы взяться этой сосущей внутри печали?

До заправки мы молчали.

Здесь продавали плохой кофе, а еще чипсы, упакованные в целлофан бутерброды и хот-доги. За прилавком скучал толстый рыжий парень в униформе местной топливной компании; работал в углу телевизор.

Наверное, стоило взять перекус, но я лишь сходила в туалет и ограничилась пластиковым стаканчиком с коричневой жижой, зовущейся здесь словом «каффучино». Выложила на стойку купюру и пару монет, толкнула дверь на улицу. До Роши еще не одна сотня километров; и хорошим был бы день, если смотреть только на небо, деревья и погоду и не вспоминать о попутчике.

Этот самый попутчик вышел наружу почти сразу за мной, свернул, дошел до угла, выкинул пластиковую крышку от своего напитка в урну. Так и остался стоять у противоположного конца здания, демонстративно не желая сокращать между нами дистанцию.

У меня же на душе скребли кошки.

Нам нужно попробовать наладить контакт хотя бы временно. Мы вдвоем выдвинулись не просто в поход, но в очень сложное путешествие, и минимум разногласий стал бы подспорьем. Так как Инквизитор не спешил мне навстречу, пришлось двинуться к нему самой.

– Послушай...

Он смотрел на меня и как будто мимо. У тротуара красивые листья – дубовые, кленовые, березовые. Спокойная, тихая идиллия; пустая парковка, шум леса позади заправочных колонок.

– Давай... отложим нашу...

«Срачку» – самое верное слово, чтобы описать творящееся между нами.

– ... наши споры. На время. До возвращения.

Теперь светло-зеленые глаза, обрамленные черным ободком, смотрели прямо на меня – как стрела в центр мишени.

– Я... признаю, что виновата, – каждое слово давалось с трудом, но оно было честным, – и что ты не сможешь об этом забыть, и простить тоже не сможешь.

«Я и не прошу».

– ... Но, может, постараемся хотя бы не цеплять друг друга без дела?

«Без дела? – вопрошал меня немой взгляд. – Каждое твое страдание – само по себе благое дело».

Может, мне так казалось? Что Сидд намертво настроен против меня, что он не способен сдвинуться ни на миллиметр.

– Давай ты продолжишь мучить меня после того, как мы вернемся, но не сейчас.

«Сейчас мне очень нужны силы. Любые. У меня и так их почти не осталась, а Роцца отнимет последние».

Водитель, одетый в привычное пальто (после он, что ли, собирается переодеваться?), молчал вечность, а после проговорил сухо:

– Не могу ничего обещать.

Выбросил пустой стаканчик в урну и зашагал к автомобилю.

Ну да, злилась я расстроено, стоило ли ждать, что скала станет ватой? Попросила у Голиафа с косою грибного дождя... Не по адресу, в общем, и безрезультатно.

Я думала, что не услышу голос Инквизитора до самой Роцци, но спустя час монотонной езды и тишины в салоне он все-таки заговорил:

– Как Мэйсон мог туда попасть? В этот дом.

Я очнулась от своей ватной апатичной дремы, пошевелилась, поерзала и спросила:

– Как мы?

– Если туда не доехать, не долететь...

– Пешком, вероятно.

– Ты сама говорила, что Роцца путает восприятие, что в ней можно блуждать месяцами.

Ум Сидда никогда не спал, он всегда анализировал и сопоставлял. Мне казалось, что у сидящего рядом человека внутри стоит железная машина со множеством кнопок и микросхем и она бесконечно что-то вычисляет.

Мои думы теперь тоже свернули к поиску ответа на этот вопрос. Действительно, не доехать, не долететь.

– Разве что... с изнанки... – неохотно предположила я, соображая, что эта версия укрепит подозрения Сидда относительно третьего лица, замешанного в этом деле.

– Вы... все умеете пользоваться изнанкой?

Эти «вы все» представились мне в восприятии соседа призрачными идолами, светящимися в ночи и источающими запах нечистот.

– Нет, – я все же задумалась, – не все, но я умею...

И вдруг мне в голову стремительно пришла очень странная мысль, гениальная или же сумасшедшая идея.

– Я могла бы...

«Я могла бы перенести нас в этот дом с изнанки. Могла бы попытаться. Если бы Сидд запитал меня на полную мощь, есть вероятность, что у меня вышло бы. А еще... Слабый с оборотной стороны Инквизитор – легчайшая для меня мишень, – почему я не подумала об этом раньше? Если я смогу с помощью его же энергии удержать себя на изнанке, не выныривая, я смогу отобрать чужую мощь, обесточить его самого. А после прыгнуть к Мэйсону, забрать Кьяру...»

Не знаю, написано ли воодушевление было на моем лице или же Инквизитор имел возможность напрямую читать мои мысли, но он вдруг произнес очень тяжело:

– Вот теперь ты меня впечатлила. Очень предсказуемо.

Каким-то невероятным образом он учуял мои помыслы, включая последнюю, еще несформированную мысль о том, что я, возможно, смогу его с изнанки убить. Даже если мне пришлось бы для этого принять помощь темной воронки...

– Послушай... – суетно, спешно попыталась я оправдаться.

– Я с самого начала знал, с кем имею дело, маленькая мара.

«Маленькая тварь» – я помнила это словосочетание.

«Да нет же! – хотела заорать я. – Я могла бы просто перенести нас к Роще, чем сэкономила бы нам несколько часов пути»

Но выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Мои настоящие намерения он прочел так же ясно, как тогда – желание метнуть ему в спину вилку, и рявкнул:

– Спать!

Меня отрубил так быстро, будто ударили бульжником по затылку. Вылетая в астрал, я успела почувствовать, как в неудобной позе скрючивается на сидении мое тело.

А после темнота.

Сидд

Наверное, он не верил ей до того самого момента, пока не шагнул, оставив машину в «кармане» у обочины, в чашу. Не верил маленькой маре, но теперь ощущал и сам, что Топь была гиблым местом. Она была напичкана чем-то средним между заклятиями и проклятиями. Если первое, сродни алгоритму, работало как сотканная в невидимом мире безучастная программа, то второе всегда было замешано на личной неприязни, даже ненависти. Судя по тому, что чувствовал Аркейн, древний колдун мар ненавидел люто.

Да, пока просто стволы деревьев, опавшие листья под ногами и синеватый сумрак, но там дальше, куда они шагали, бродило нечто воистину неприятное и искало, к кому бы жадно присосаться. Аркейн выставил блок сразу, но и сквозь него долетал сосущий шепоток, навевающий тоску и неприятные мысли. Чаша словно осуждала, выжидала и наблюдала. Что ж, однажды, когда будет посвободнее, Сидд вернется сюда, чтобы нейтрализовать зловещую магию, но если он остановится на этой задаче сейчас, то получит задержку в продвижении не в одну и не в две недели – возможно, в пару месяцев, а это пока непозволительно.

Аркейну «шепот» скреб по затылку, не причиняя особенного вреда, а вот Мариза страдала. Он даже подключился к ней ненадолго, чтобы считать чужие ощущения, и понял, что не мог бы найти лучшего места для её мучений. Топь виделась ей мрачной, она засасывала. Плотная почва казалась маре болотистой, неровной, и земля шаталась, как настил из досок перед водным причалом. А у нее за плечами тяжелый рюкзак.

Он видел также желание Маризы схватиться за его руку, как за спасательный канат, – схватиться за руку врага, лишь бы полегчало, – но мара держала это желание в узде.

Забавно. Если она подвернет здесь ногу, если получит рану, если простудится, он запишет её собой, прикажет ей выздороветь, а после поведет дальше. Идеальный адов круг, сложно придумать лучше.

Одна часть Аркейна желала увидеть воплощение негативного сценария в жизнь, вторая понимала, что жестокость ради жестокости – не его цель. В конце концов, им нужно идти вместе, мара нужна ему. По крайней мере, пока. Но облегчать её жизнь во время пребывания в чаше он не будет.

Он углублялся в лес пока без направления, просто искал поляну для ночлега. Октябрьские ночи – не лучшее время для ночевки под открытым небом. Холода, темнеет рано. Спу-

стя час нашел такую, мысленно сетуя на то, что света вокруг уже нет, а еще собирать дрова для костра. Можно, конечно, без них, без огня, – бросить манатки, поставить палатку и спать, – но если холодную еду он мог запросто проглотить, то чай желал выпить горячим.

Девчонка выглядела плохо, он заметил это на поляне при свете фонаря. Топь въедалась в её ум черными щупальцами, шерудила изнутри, изматывала. Готовый к очередной словесной перепалке, Сидд понял, что ссоры не будет. Одна искра – и в нем бы вспыхнула привычная злость, но Мариза впервые увиделась ему такой, какой была, – молодой опустошенной девчонкой, у которой надломлены внутренние шестерни. Радоваться бы, – он достиг цели, – но радость не шла. Жрущий изнутри гнев он выпустил еще в тот день, когда заставил её впитать обвинения от родственников погибших, а пусто злословить – не его.

– Остановимся здесь.

«Интересно, у неё есть хотя бы фонарь? Как она вообще готовилась к походу, не имея навыков пребывания в яви без магии?»

Ему не ответили.

Мара просто стояла, смотрела чуть мимо, чего-то ждала. Того, что он временно наполнит ее своей силой для поиска цели?

– Запитывать сегодня не буду, – отрезал Аркейн, – не имеет смысла. Искать направление начнем утром.

И да, он увидел то, на что рассчитывал, – мелькнувшее на её лице разочарование. Подошел близко, пригляделся – его налобный фонарь слепил мару, она щурилась.

– Думала, получишь еще одну попытку победить меня через изнанку? Так вот знай: я поставил там «обратку». Любое твое действие обернется против тебя самой с десятикратным усилением. Усекла?

Она почему-то болезненно моргнула. И нет, в ней не ощущалось желания дерзить, язвить. Сейчас она напоминала ему мятый конфетный фантик – бесполезный и ненужный без самой конфеты.

Сидд думал, она промолчит, но Мариза чуть приподняла левую руку, обмотанную бинтами:

– Я хотела спросить, можно ли будет, когда зачитаешь, ... подлечить ладонь?

И опять взгляд в сторону. Ни на что не рассчитывающий, как у раба, которого пинали слишком долго.

Да, он видел: всю дорогу она держала эту руку чуть согнутой, как культю, как обрубок, мешающий жить, являющийся дополнительной причиной страданий.

Аркейн не знал, позволит ли. Он хотел, чтобы она страдала, но смотреть на неё такую не дарило ему приятных чувств. Ничего не ответив, он отвел луч фонаря от её лица, отправился собирать дрова – с её рукой они разберутся утром.

Оказалось, в её рюкзаке присутствуют палатка, свернутый мат-подстилка, спальный мешок, походная подушка. Кажется, она сложила туда все, что посоветовал ей слишком рьяный продавец из отдела спорттоваров. Но вот собрать все этой одной рукой у неё выходило плохо.

Мара молчала, даже не смотрела в его сторону, когда трижды пыталась установить неподдающийся каркас, когда использовала зубы вместо второй руки, когда не могла затянуть узел, открыть клапан надува в подушке.

Затрещал костер. Аркейн наблюдал за неуклюжими попытками Маризы справиться с обычными для двурукого человека вещами. Заметил момент, когда она достала со дна банку с готовой кашей, видимо, поняла, что не взяла «открывашку», спросить у него не решилась, вернула банку обратно. К костру она не подсела, опираясь на локоть, заползла в свой криво поставленный одноместный домик, пошуршала, затихла.

Что ж, не ныла, чай не просила, на жизнь не жаловалась – уже медаль номер раз. Правда, ей, чтобы заслужить хоть толику его уважения, если такое вообще возможно, придется этих медалек навесить себе на грудь пару тысяч. Бесплезная, в общем, задача.

Наверное, он был не прав, думал Сидд позже, подбрасывая сучья в костер. Человек не должен быть мудаком по отношению к ближнему, вот только сложно им не быть, когда идешь бок о бок с тем, кто лишил тебя чего-то очень ценного. Пусть даже ненамеренно – суть уже не меняется. Если бы мара научилась управлять своей силой, если бы потратила на это время и энергию, Лира сейчас была бы жива. И не было бы ни этой чащи, ни странного шепотка в затылке, ни его извечного теперя желания кого-нибудь придушить. Боль, если она в тебе поселилась, будет всегда желать боли кому-то еще.

Аркейн раздваивался. Ему запомнился сегодняшней взгляд Марицы – взгляд человека, который не хотел бы, чтобы другие видели его искореженное нутро. Такими люди возвращаются с войны. Такого взгляда не должно быть у того, кому двадцать два. Хотя мари живут долго, иногда очень долго. Возможно, вернув Кьяру, она сбросит с себя чувство вины, как змея сбрасывает ненужную кожу. Развеселится, забудет о том, что должна страдать, решит: какого черта? Возможно, она станет многократно сильнее, если примет свою темную сторону, – тогда даже Аркейну придется напрячься, чтобы усмирить её. В этом случае, думал Сидд, он убьет её сразу, без раздумий.

А пока просто ночь. Очень стылая, когда мороз уже покусывает за лицо, когда подмерзают в ботинках ноги. Дымная от костра, тихая, безветренная. Огонь казался здесь мертвым островком бесполезного и быстро тающего тепла – слишком много зловещего намотано вокруг, слишком сильно оно желает подобраться.

Когда чай был выпит, а жестяная банка из-под перловки отправилась почивать на углях, Сидд лег спать, предварительно махнув рукой поверх тента, – усиленная защита вещам не повредит.

* * *

Марица

Спальник не грел. Меня мутило. Казалось, земля под палаткой качается, будто под ней ходят гигантские волны, и ты все ждешь, когда же проломаются гнилые доски помоста. Когда это случится, наружу выльется пахнущая водорослями жижа, протянутся в твоём направлении покрытые синими венами руки. Когти коснутся твоего горла, когти утянут в смерть...

Мысли о Кьяре не помогали, их глушила тьма; я старалась глубоко дышать, чтобы успокоиться. Страхи лезли внутрь моей черепной коробки из ниоткуда, они заставляли бояться иррационального – теней снаружи, существ со звериными клыкастыми мордами. Топь виделась мне гигантским безграничным болотом, пластом плавучей почвы, где меж чахлыми стволами перемещается «оно» – я даже не могла сказать, что именно.

Сидд выглядел единственным светлым пятном. Если бы не он, я бы попросту не смогла шагнуть вглубь леса, мне банально не хватило бы стойкости. Но он казался стабильным плотом, неподвластным местной стихии, и, пока я находилась к нему близко, страхи отступали, чуть утихомиривались.

Между нашими палатками, однако, дистанция оказалась слишком большой, и я в панике воображала, что в следующий раз прижму свою прямо к его. Плевать на колкие фразы и презрение, лишь бы чувствовать кого-то живого через тонкую ткань.

Тик-так. Озноб, боль в руке, уснуть не удавалось. Отключив мою силу, Инквизитор оставил в норме мою чувствительность мари, и Топь всю пользовалась этим, наслаждалась, совала мне в мозг тонкие отравленные жгуты, пыталась ненавистью и хохотом.

Я ворочалась, сколько могла, жмурилась, куталась в спальник, но холод шел не снаружи – он расплывался изнутри: на меня действовало нечто извне.

А чуть позже мне вдруг привиделось, что на поляну наползает туман. Плотный, как молоко, синий, нехороший, что он уже близко...

Я выбралась наружу и сидела у костра, пока не увидела, как туман приближается на самом деле. Нечто волочащееся по земле, молочно-фиолетовая жижа, не туман даже, но облачная муть. И тогда, уже неспособная адекватно мыслить, я сделала первое, что пришло на ум, – бросилась в палатку Сидда.

У него было тепло, а меня трясло. Я ворвалась через тамбур в «спальню», свернулась в углу – благо, его «домик» был шире, выше, он вмещал двоих. Более всего я страшилась сейчас, что Инквизитор прикажет мне убираться. Если он это сделает, если скажет так, что воздух-стрела пройдет через мои внутренности как тогда, когда я воткнула в себя вилку, мое тело разорвется на части, потому что ноги пойдут наружу, а руки будут держаться за чужой спальник.

– Пошла прочь, – раздался сонный голос, хриплый, прохладный даже спросонья.

И я зашептала:

– Пожалуйста, там снаружи что-то... Я боюсь. Просто... не прогоняй. Хотя бы... недолго.

Ужасно было слушать стук собственного сердца и тишину. Наверное, я выглядела, как кобра, приползшая туда, где ей не рады. Но даже кобре в момент отчаяния нужно тепло.

Секунда, две, три. Лишь бы не выперли наружу, я не смогу, я там не выживу.

Я лежала, накрыв голову руками, долго, очень долго, а после услышала, как выровнялось мужское дыхание. В чужой палатке стало мирно: Сидд, вероятно, не слишком сильно потревоженный моим присутствием, засыпал.

Я же, ощущая себя плешивой хромой кошкой, забившейся под чужую крышу, отогревалась. Здесь не терзал холод, сюда почти не проникал «шепот», здесь успокоилась ладонь. Наверное, Инквизитор поставил на свои вещи щит от морока – Топь его места не касалась.

Пусть в ногах, пусть на самом уголке чужого коврика – я не роптала. Без подушки, без одеяла. Лишь бы не наружу, лишь бы хоть несколько часов отдыха.

Глава 10

Сидд

Комната во сне была залита дневным светом, слишком ярким, отчего предметы и лица казались размытыми. Они пили чай – Лира, Тимми и Сидд, явившийся после полудня. На брате отглаженная рубашка, Лира завила длинные волосы. Впервые на его памяти. Завила какой-то плойкой, и слишком частые и мелкие кудри-волны делали ее естественную красоту странно искусственной, журнальной. На покрытом белой скатертью столе фарфоровый сервиз, пахучий чай, яблочный пирог.

– Ну как? – раздался звонкий девичий голос.

– Что «как»? – не понял Аркейн: он обдумывал то, что надлежало обсудить с братом.

– Как тебе пирог?

– Нормальный.

Если честно, он не распробовал вкус, не запомнил его.

В светлых глазах Лире мелькнула обида – тень детской досады, которая не длится долго, и еще отголосок взрослой печали.

– Ну ты и дурак, – покачал головой Тимми, когда стройная девчонка в сарафане в горошек ушла на кухню.

– Я... не сказал ничего... такого. – Сидд не понимал, почему должен оправдываться.

– Вот именно. А она с утра его пекла, рецепт из журнала вырезала, за продуктами бегала... Первая попытка вышла неудачной, тот... «яблочный десерт» она выбросила в мусорку. А этим гордилась.

– Ладно, я схожу... скажу ей, что тесто сладкое, яблоки пропеченные.

Он не умел хвалить еду, вообще не придавал ей тогда значения.

Сидд поднялся, собрался толкнуть запертую кухонную дверь, за которой, как ему казалось, слышатся рыдания.

– Ты что, правда забыл?

Пришлось остановиться.

– Забыл о чем?

– У нее вообще-то сегодня день рождения...

«Извини, – собирался он сказать на кухне. – Прости меня, дурака. Я без подарка, и я забыл, но я исправлюсь. Мы обязательно устроим тебе еще один праздничный день: сходим в кино, на карусели, купим леденцов...»

Он действительно сожалел и хотел извиниться.

Так и проснулся с этим чувством, открыл глаза, уперся взглядом в низкий потолок палатки, понял, где находится, а еще то, что никогда уже перед ней не извинится, не купит леденцов, не сводит её в парк. Лире больше нет в этом мире, в этой жизни. Он озверел практически сразу, он испытал почти такой же прилив бессилия и гнева, как в тот день, когда узнал о трагедии.

Долго не шел наружу, лежал, дышал, пытался успокоиться.

А после услышал причитания мары, покинувшей место ночлега до его пробуждения.

– Нет, нет, только не это...

Она не то стонала, не то роптала – не остывший еще от злости Аркейн резко скинул с себя походное одеяло и принялся обуваться.

Все вокруг было покрыто синеватым пеплом – странным, местами серо-фиолетовым, тлеющим на концах крохотных частиц, которые успели разложить все, что покрыли собой: пре-

люю листву на земле, место костровища, палатку Маризы – точнее, то, что от нее и рюкзака осталось. Плотная ткань истлела за ночь, а вместе с ней в труху превратилось содержимое вместительной сумки – пакеты, походный термос, кружка, одежда. Ошалевшая мара водила рукой по тому, что накануне было ее вещами, и они рассыпались в труху. Чужеродная магия сделала их пеплом.

– Это все туман, – слышался прерывающийся голос, – я знала, я чувствовала...

Аркейн присмотрелся к воздуху внутренним взглядом, попытался определить тип заклятья – причитания мешали ему сосредоточиться.

– Я ведь не зря ушла, я почувствовала его еще до того, как он пришел...

– Умолкни.

Ему нужно было понять, что породило приход фиолетовой дряни. Кто. И разовый ли это приход.

– Умолкни? – она с возмущением смотрела туда, где целыми и невредимыми остались его собственные вещи, предусмотрительно укрытые с вечера невидимой сеткой. – Почему ты не поставил щит и на мои вещи тоже? Тебе было сложно?

Сидд поморщился, как от зубной боли, ему нужно было определить направление невидимого потока.

– Каждый смотрит за своими вещами сам.

– Я бы и смотрела! Если бы у меня были силы, но ты обесточил...

Наверное, ей было плохо. Плохо спать в чужих ногах без подушки и одеяла, плохо просыпаться, зная, что впереди ждет день мучений. Он видел по лицу Маризы, что продолжение похода она воспринимает с таким же воодушевлением, с каким бы восприняла появление на пороге маньяка с набором ножей. Маньяка, привязавшего её к операционному столу и собиравшегося ставить на ней опыты. Потеря вещей стала для неё ударом, однако Аркейн, пребывающий в дурном настроении после пробуждения, не был готов утешать.

– А если бы я... осталась снаружи, – она смотрела на него с осуждением, которое смешалось для него с обидой, застывшей в глазах Лиры из сна. Но та имела право на обиду, а эта нет. – Что случилось бы со мной? Ведь я твой «компас»...

«Ты должен был обо мне позаботиться!»

Но он не должен был. Ей – ничего.

– Ты осталась бы цела, – попробовал все же объяснить. – Это заклинание – иллюзия.

– Иллюзия?! – мара взвизгнула, и взгляд ее стал тяжелее тонн на двадцать. – Мои вещи теперь иллюзия! Одеяло, палатка, вода, еда, рюкзак!

– Это заклятие – деморализатор. Оно разъедает неживую плоть, но живую не трогает. Хорошо, что на тебе хотя бы осталась одежда.

Впору было рассмеяться собственной злой шутке, но Сидд даже не улыбнулся.

– Ты мог бы... – шипела она кошкой, – мог бы укрыть все моё, как свое. Мог помочь!

– Скажи спасибо, что я не выпнул тебя вчера из палатки. Хотя мог бы.

«И должен был». Просто на мгновение ощутил зашедший под тент вместе с ней животный страх и понял, что сил на споры уйдет больше, чем на их отсутствие.

Что ему было по-настоящему нужно, так это тишина. Минут пять-десять. Он должен отсканировать пространство, прощупать его на предмет опасностей, проанализировать текущую ситуацию. Но эта дура-девка ему мешала. От неё фонило яростью, а ведь ярость – это его право и его привилегия. А не её, пусть даже лишившейся шмоток. Маленькая мара забывалась, Аркейн медленно наливался гневом.

Споры нужно было прекращать делом, им пора идти. Анализировать местность и ситуацию он сможет по ходу движения, сейчас важно определить направление.

Сидд сомкнул пальцы на запястье девчонки и поддал ей мощи, как электричества, – Мариза резко втянула воздух и тут же – он даже не успел среагировать – перенаправила энергетический поток на свою раненую руку, принялась унимать боль.

– Я запитал тебя не для этого, – процедил он, взбешенный её наглостью, и понял, что его невидимый фитиль близок к тому, чтобы по-настоящему загореться. А там рванет бомба. Если бы она по-человечески объяснила, как вчера, если бы спросила его разрешения, он бы позволил. Но когда вот так дерзко, без спросу и под носом твои силы разворачивают себе на благо – мол, тебе же не жалко, ты мне все равно должен за испорченные вещи... Вот за это чуть не хрустнуло от его хватки её тонкое запястье.

– Ай! Я же просто хотела...

– Давно не билась башкой о дерево?

Она знала его этот тон. Очень ровный, зловещий тон, означающий, что еще секунда, и она потеряет волю. Она станет тряпичным манекеном, которым начнет колотить собственным лбом о кору.

– Ищи своего мудака, – приказал Сидд холодно и зло, – делай это быстро и точно.

Её глаза из-за ярости казались темнее обычного.

– Не дави так сильно, – прошипела она, прежде чем мысленно провалиться на изнанку. На этот раз Аркейн разумом последовал за ней, чтобы попытаться расшифровать её поисковую формулу и позже, когда появится свободная минута, обучиться самому.

Как выяснилось, их ждало всего девятнадцать километров пути – он сумел считать ощущение расстояния из ее памяти, точно переложить его с чужой виртуальной карты на реальную местность. Девятнадцать километров на юго-восток по лесу, по бездорожью, напрямую через чащу. Если бы он шел один, то преодолел бы эту дистанцию за сутки. Вдвоем они пройдут её за двое, потому что задержки, остановки, потому что бубнеж за спиной.

Сегодня Мара ругалась, шипела и проклинала все подряд: корни, колдунов, дрянной запах и «сучий туман», – но больше всего, Аркейн это прекрасно чувствовал, она проклинала его за «не помощь». И чем явственнее он это чувствовал, тем меньше желал помогать. Да, мог бы частично заблокировать донимающие её иллюзии, да, мог бы утешить фразой, что еды в его сумке хватит на двоих, мог бы... мог бы сделать хоть что-то. Но не делал.

Куда сильнее его интересовало и напрягало другое: он почувствовал наконец центр Топи. Шагая, он все-таки сумел проникнуть в разум болот, рассмотреть их расстояния, прочувствовать гниль. У всех заклятий, расплзавшихся в различных направлениях, было одно и то же сотворяющее их ядро. Некий основной «ресурс». То, что время от времени то сильнее, то слабее накрывало мару, имело иллюзорную природу, а вот центральный Морок, если столкнуться с ним нос к носу, мог физически нанести ощутимый вред. Он был «боевым». И он чуял путников.

Измерить боевой потенциал издалека Аркейн не мог, но что-то подсказывало ему, что Морок лучше обойти, не привлекать его внимание излишними звуками, магическими пассажами и излучаемыми эмоциями. Если сделать все тихо и избежать прямого столкновения, то будет больше шансов добраться до цели невредимыми. Главное – не шуметь.

Он довольно вежливо попросил Маризу молчать, и та какое-то время хранила тишину. Несмотря на неуверенную походку и заплетающиеся ноги, она умудрялась держать заданный им темп, нагоняла его, если спотыкалась, ойкала, шипела, утихала снова.

Они двигались вперед. Ноги цепляли чертовы корни, кусты норовили голыми и острыми ветками попасть в глаза, царапалась даже чахлая трава. Здесь толком не рассветало, сюда не проникали лучи солнца. Сидд радовался: если они смогут продолжать шагать в том же темпе...

Но спустя какое-то время её будто прорвало – сзади послышался жалобный поток слов. Мара вдруг принялась ему рассказывать несвязанные между собой истории из детства, из прошлого, что-то про Кьяру, которая однажды подарила на праздник флакон духов из пыльцы, ветра и рассветной зари. Про день, когда Маризе исполнилось четырнадцать, про то, что только подруга приготовила торт...

Аркейну вспомнились сон и яблочный пирог Лиры – ишибанула в мозг злость.

– Заткнись, – процедил он, обернувшись, – просто заткнись.

– Но мне проще, когда я говорю... – Она смотрела на него потерянная, измотанная и угнетенная. А еще в ней клокотало раздражение. – Когда я слышу голос – хотя бы свой, – иллюзии не донимают меня так сильно...

– Умолкни сама. Или я прикажу тебе.

Он развернулся и зашагал дальше, спиной ощущая прожигающий, полный ненависти взгляд.

Мариза

У человека должно быть что-то, за что он может держаться. Некая спасительная мысль, греющая, как свет в конце тоннеля. Топь отбирала их у меня, как поганный старший брат красивые игрушки у слабой сестренки. И все ногами, все в пыль.

У меня была палатка, в которую я могла бы забраться вечером. Но палатки больше не было. Было одеяло, способное хоть немного согреть, но оно истлело. У меня был запас воды, способный утолить жажду, но туман испортил бутылку. Он лишил меня еды, фонаря, сменной одежды, минимальных средств гигиены – всего. И тот, кто шагал впереди, мог помешать этому. Предусмотреть, совершить лишний взмах рукой, поставить защиту на все, а не только на «свое», но не захотел сделать этого. Он мог избавить меня от страданий, окутав блокирующей дымкой, он мог просто позволить мне говорить. Но не позволил.

И цепляться мне было не за что.

Топь издевалась надо мной, выскребая из души и сердца все хоть сколько-то ценное, дорогое, она тушила любой намек на светлые размышления, она совала мне в мозг черные жгуты.

Тому, кто шагал впереди, иллюзии нипочем, мне же каждый шаг казался борьбой за жизнь. И я никогда еще не ощущала себя столь отчаявшейся, злой, сместившейся на самый край.

Звуки шагов, мертвые листья под ногами; Топь шаталась и плыла. Хаотично перемещались стволы; что-то далекое и зловещее звало меня к себе.

Мне нужна была помощь – хоть какая, любая. Подошла бы и минимальная. Но Инквизитор был так же глух к моим мольбам, как замшелый камень, и я впервые подумала о том, что разрубил бы его пополам. Сидда. Имей я силу, я бы ударила ей по нему. Потому что теперь не могла нормально дышать, потому что устала бороться, потому что поняла, что срываюсь. Куда?

Кажется, мы шли еще пару часов – бесконечная тропа ада.

– Я хочу пить...

Он протянул мне воду, но на пожелание привала покачал головой. На просьбу о еде сообщил: «Позже».

Меня же все сильнее душило бессилие. Оно забило мне ноздри, глаза и ум, оно залепило меня сверху глиной, оно замуровало меня. И все сильнее хотелось этот кокон разбить.

– Возьми... меня... за руку.

Он молчал.

– Пожалуйста.

– Я не буду этого делать.

– Мне так будет легче идти.

– Зато мне будет тяжелее.

– Почему?

– Почему? – он смотрел на меня, и в глазах его стояла каменная кладка отторжения. –

Потому что я не хочу держать за руку человека, повинного в смерти близкого мне человека. Хочешь поговорить об этом?

В последней фразе опять прозвучала угроза. Угроза приказов, пропитанного ядом гнева и тень моих новых страданий. И я вдруг поняла: хватит.

Глава 11

Сиdd

Она просто произнесла: «Хватит», – и он застыл, развернулся, увидел то, что увидеть не рассчитывал: Мара изменилась. Почернела не только радужка её глаз, но и белки. Загорелась на темной руке руна, вокруг тела завращалась воронка.

«Она склоняется на темную сторону».

Он предполагал, что подобное может произойти, не ожидал только, что почувствует вдруг, какую мощь маленькая мара сможет занять, если совершит прыжок в темный колодец. И нет, он не собирался молить её остановиться и не совершать непоправимого, вместо этого Аркейн принялся максимально концентрировать собственные силы. Начал светиться; завибрировал вокруг воздух.

«Если она ударит, – думал он без эмоций, – ударит в полную силу, а я в ответ, мы сотрем половину Топи с лица земли».

Перед ним больше не стояла прежняя сломленная девчонка, сейчас он видел перед собой воплощение древней ведьмы – ведьмы, способной стать самой смертоносной из всех существующих. Кто из них сильнее? Он не мог предположить. Лишь знал, что никогда еще не собирался бить так сильно, фатально. Если Марица примет темную сторону, если только сделает последний шаг, ему придется её убить, потому что из черноты обратного хода нет.

Он сжал кулаки – загудела в мышцах кровь, загудела под ногами земля.

Марица

«Давай, это просто...» – все мои товарки, когда-либо жившие и ныне почившие, теперь вращались вокруг меня невидимыми телами. Они хохотали, они веселились – им нипочем какой-то Инквизитор и какая-то Топь. Если все вместе, если все разом... Я никогда в жизни не придвигалась так близко к краю черного колодца, но теперь стояла на его кромке, ощущая, что одна секунда отделяет меня от прыжка вниз.

И будет праздник, будет кровавый пир, будет безудержная ярость, замешанная на черном веселье, полетят в стороны кости.

«Нам не нужен свет, ... мы сильнее...» – я отчетливо слышала их голоса. Передо мной застывало то одно искривленное гневным смехом лицо, то другое.

«Мы уничтожим его».

Если я сольюсь с ними воедино, я не просто разобью чертов кокон беспомощности – я уничтожу это место. Мне наконец станет все равно: я избавлюсь от любви к людям и Къяре, мне станет на неё наплевать. Никаких привязанностей, обнаженная, сверкающая телом нефтяной змеи, свобода. Изнанка станет моим домом, я начну рисовать «отсосы» на телах посетителей кафе...

«Он разлетится на части. Мы ударим...»

Инквизитор светился странным и страшным белесым светом. Сейчас он был силен как никогда, и мне нестерпимо сильно хотелось его уничтожить.

«Сдохни, тварь, сдохни...»

Один шаг, один.

Я заорала страшно, вырываясь на свободу. И шагнула.

Сиdd

После крика, который исторгла из себя Марица, с деревьев должны были сорваться в полет птицы, но никто не сорвался. Потому что в Топи никто не жил, Топь всех жрала.

Аркейн тяжело дышал, он слышал в ушах собственный пульс.

Мара шагнула в сторону прочь от темного колодца и теперь стояла на коленях. Она упала на них, обняв себя руками. Она хрипела, будто все еще боролась, но черная руна на её руке гасла – он почти не верил в то, что это может случиться. Он был готов бить на поражение. Убить или быть погребенным заживо, если бы мара впитала в себя столько, сколько до неё не мог никто.

И да, она могла, теперь он это знал.

Но не сделала этого. Со щеками, мокрыми от слез, она исторгла из себя еще один истошный, полный отчаяния крик, продравший его до позвоночника, ударила кулаками по земле.

А после он стоял, не шевелясь, чувствуя, как вены внутри дрожат от перенапряжения и наполнившей их магии. Мариза прошла мимо него неуверенно, шатаясь. Остановилась лишь на секунду, стерла грязной ладонью влагу со щек, хрипло произнесла: «Все, я нормальная» – и пошла дальше.

Он против воли в эту секунду навесил ей на грудь еще сто медалек: он не был уверен, что смог бы сделать то, что только что сделала она: отказаться от силы, коснувшейся пальцев, сказать ей «нет», когда напротив враг, когда внутри – одно лишь желание убить. Он бы, наверное, убил, невзирая на цену, которую придется позже заплатить.

– Только я теперь иду впереди... – долетел до ушей Сидда безжизненный голос.

Он не собирался спорить. Он выдыхал.

И целую минуту стоял, не шевелился, incapable вывести себя из боевого режима.

Мариза

«Мариза, идти впереди небезопасно... Остановись...»

Я почему-то слышала мысли Инквизитора: наверное, сказались остатки выветривающейся силы. И да, она уходила, я отказалась от неё. Не желала становиться равнодушной ко всему светлому на остаток жизни, не такого я себе желала.

Даже шепот Топи почти перестал донимать: может, Сидд, поставил на меня защиту, может, нет. Впервые стало все равно. Когда ты только вот был всемогущим, когда почти смог воплотить то, о чем яростно мечтал, а после дал задний ход, наваливается сокрушающее опустошение. Оно нокаутирует изнутри, от него невозможно уклониться. Я и не пыталась, я просто не могла больше тащиться за чужой спиной... К тому же теперь, когда временно отступили иллюзии, я желала пройти наибольшую дистанцию максимально быстро и потому почти бежала.

Я чуть не сделала это, чуть не приняла в себя силу древних темных мар, чуть не пожала им руку, сделавшись такой же. Да, я стала бы свободной, но эта свобода – так мне ощущалась – стала бы черной невидимой цепью, сковавшей душу. Навсегда. Не хочу так, не могу, пусть я лучше погибну в бессилии, чем шагну в бездну. Не отступлю, не отдам себя тьме, пока есть хоть малейшая надежда на лучшее.

Ровная местность сменилась неровной: справа встала каменистая гряда, теперь тропка пробиралась вдоль неё, сторонясь покатога обрыва слева. Наверное, где-то там лощина, ущелье. Под ноги я почти не смотрела – горечь, странное чувство поражения застлало внутренний взор, – и зря: не заметила, когда ступила не туда, когда сухим селем поехала под подошвой почва, сорвалась вместе со мной, будто долгое время ждала путника, притворялась стабильной, чтобы при малейшем колебании начать движение вниз.

Схватиться за камни не удалось, кустов на пути вниз не встретилось – пару секунд меня несло вниз с горы вместе с грязью, как по снегу, а после обрыв... Обеими руками я схватилась руками за выступающий, болтающийся корень чахлого дерева, повисла на нем как неумелый акробат и ощутила вдруг близкий конец.

– Сидд... – мой голос тихий, почти не пробивающийся через спазмированные связки... – Сидд...

Он не успеет. Или не захочет успеть. Подумает: «Я предупреждал». У него нет причин меня спасать, он только что увидел мою темную сторону во всей красе, увидел, на что способна неконтролирующая себя мара, погрузившаяся во мрак. Корень болтался, как витой канат, лопа-лись под пальцами растительные волокна – пара секунд, и я окажусь на дне лощины.

Но послышались его шаги, мне в лицо полетели новые комья земли, скатившиеся от толчков подошв Инквизитора. В лицо, в глаза, в рот – я опять скривилась от рыданий. Как же я устала от всего этого. Левая рука не держит хватку, и новые удары судьбы уже не держит душа.

Он навис надо мной, срывающейся вниз, и наш взгляд глаза в глаза тянулся долгую секунду.

– Спаси...

Он не спасет. Он долго хотел, чтобы я погибла, теперь ему не нужно прилагать усилий, нужно просто «перестоять».

– ... Кьяру... – прошептала я.

Я слишком давно надломилась и пыталась себя склеить. К черту.

«Пусть он спасет Кьяру», – попросила я небеса честно и искренне, как последнее желание.

Зажмурилась в рыданиях, всхлипнула и разжала руки.

Он ухватил мои запястья в тот момент, когда я себя «отпустила».

Упираясь в булыжники подошвами, вытянул меня на себя, и я повалилась поверх мужского тела. Не чувствовала ничего, кроме ужасающей скорби, – сколько можно клеить жизнь, которую уже не склеить. Править сломанную судьбу, держаться за края разъезжающейся трещины. Я рыдала молча, рыдала печалью всего мира, утыкалась носом в чужую грудь. Я выла. А подо мной пульсировало и стучало мужское сердце.

Боль постепенно отступала, стихала буря из отчаяния, все реже сковывали горло всхлипы.

Он не упрекнул, не рыкнул: «Я предупреждал».

Он просто почувствовал, когда можно двигаться дальше, перевалил меня на склон, крепко взял за руку и помог выбраться, а после попросил:

– Дальше иди рядом.

* * *

Вечер бесконечного дня. Костер. Единственная палатка слева – его.

Меня почему-то больше не донимали иллюзии, не вползали в мозг кошмары – просто тихо, просто пусто. Может, тот, кто подбрасывал дрова в костер, помог защитой? Если так, он все равно бы не признался. Я глядела на пламя и время от времени пила воду из бутылки, которую мне выдали по прибытии на место ночлега. Ничего уже не надо ни от кого, ничто больше не пугает. Просто все равно.

Веда была права, когда говорила, что я ничего не знала о боли до встречи с этим мужчиной, до этого похода. Зато теперь, кажется, знала все, я больше не боялась новой, я вдруг приняла в себя знание о том, что все равно уже ничего не починить. И стараться сделать это – лишь тратить впустую время.

– Почему ты спас меня? Ведь мог бы этого не делать, – спросила я того, кто сам в диалог вступать не желал. Мне негде спать, мне нечего есть, невозможно помыться, сменить одежду. Просто я – пылинка во Вселенной – и просто земля под ногами. Вот такие простые составляющие уравнения. Никогда еще я не чувствовала себя более бездомной, нежели теперь.

Не знаю, хотел ли Сидд отвечать, но ответил после молчания:

– Ты «компас».

Он врал. И знал о том, что я об этом знаю.

– Утром ты смотрел, как я запускаю поисковое заклинание. Ты сделал магический слепок формулы. И ты в этом хорош.

«Я больше не нужна тебе как компас».

Увы, это так. Теперь он мог отыскать Мэйсона без моей помощи.

Мой спутник не стал делиться мыслями, достал банку с перловкой, отыскал походную сковородку, приладил её над костром и вдруг задал встречный вопрос:

– Ты когда-нибудь подходила так близко к краю, как сегодня?

Он про черный колодец.

– Нет.

Думала, не станет прояснять, но Инквизитор все-таки желал это знать.

– Что заставило тебя отступить?

Трусость? Нет. Страх? Нет. Кьяра? Нет, даже не она.

– Просто в самый последний момент, – ответила я честно, – под всей этой шелухой, ты хочешь остаться для себя кем-то.

Остаться кем-то в собственных глазах, даже если призрачная власть очень близко, даже, если она дразнит тебя триумфальным звоном будущих черных побед.

– Почему, – спросил он, когда выложил на сковороду разогреться кашу, – старшие мары не учат младших управлять силой? Так было раньше.

Запах дыма успокаивал, он был в этой глуши чем-то родным, знакомым. Я допила воду.

– Не знаю, как было раньше, но теперь мы должны сами. Каждая. И пока выбор в какую-либо сторону не сделан, нас... «носит».

Сидд взглянул меня непонятно, очень длинно, а затем изрек:

– Этот твой... необузданный потенциал или убьет кого-то еще, или тебя саму.

– Рада, что ты в меня свято «веришь», – отозвалась я с желчью – холостой, впрочем.

Никаких больше споров, никаких перепалок, в них попросту нет смысла. Пусть он поест, после я лягу прямо на земле возле костра. Может, земля прогреется, может, нет. Если простыну, Инквизитор запитает, прикажет излечиться, бояться уже нечего и незачем. Просто минута покоя перед далеким или близким концом.

Половину разогретой каши он переложил в крышку от сковородки, саму сковородку с обернутой тряпицей ручкой протянул мне.

Я лишь покачала головой – не хочу есть. Ничего больше не хочу.

Но сковорода не исчезла, продолжала висеть перед носом.

И этот знакомый уже взгляд – «не заставляй меня приказывать». Он не хотел ворошить угли нашего гнева тоже, не хотел дуть на присыпавший их сверху пепел.

– Ешь.

Он хотел, чтобы я шла дальше, чтобы дошла. На это нужны были силы – я взяла сковороду.

Минут десять спустя, когда посуда была сполоснута водой и уложена обратно в сумку, Сидд разулся у полога, исчез в палатке. Я легла прямо на землю – ни мыслей, ни чувств. Перед глазами оранжевые переливы; пусть приползает туман, пусть приползает что угодно – мне было все равно.

А еще через минуту послышался шорох, тент был отодвинут ладонью – Инквизитор смотрел на меня хмуро и ровно, продолжая держать открытым вход. И этот взгляд: «Тебе требуется особое приглашение?»

Я хотела съязвить: «Хозяин уже не может спать без рабыни?», – но поняла, что лучше промолчать. Можно остаться тут, можно просто закрыть глаза. Но я, почему-то не испытывая ни восторга, ни стыда, ни благодарности, поднялась с земли и двинулась к палатке.

Спать рядом с ним я не собиралась. Так уж сложилось, что я где-то сбоку, в ногах – мне протянули кофту. Не то предложили ей укрыться, не то свернуть, как подушку, – я выбрала последнее. Скатала её в клубок, примостила под щеку.

И принялась отогреваться очень медленно, очень тихо. Выдыхать.

И еще вдыхать против воли – кофта пахла Сиддом. Запахом его тела, почти выветрившегося парфюма. Я вдруг поняла, что не думала о нем как о мужчине с того момента, когда висела на цепях в его комнате. Не вспоминала тот ужасно-приятный поцелуй, глубоко запрятала случайно проскользнувшее в меня чувство нашей старой любви из другой жизни. Но кофта пахла мужчиной, лежавшим рядом, и это против воли вытянуло то чувство на поверхность, кофта пахла кем-то родным. Неужели мы были на это способны где-то далеко отсюда? На любовь друг к другу?

Мне пришлось отложить её прочь: проще спать без подушки, нежели думать о том, что начинает душить печалью.

Неважно, как было раньше. Сейчас все так, как есть сейчас.

Тепло, сухо. Пусть я грязная, зато под крышей.

Иногда кошки не выбирают, иногда кошки просто греются там, где им позволяют.

* * *

Сидд

Он проснулся, потому что она плакала во сне. Мариза.

Сжималась в комок, вздрагивала, шептала:

– Не надо... Пожалуйста...

Аркейн потер лоб рукой; его кофта лежала от неё далеко. Напряженным казалось в неверном свете женское лицо, искаженными черты – о чем сон, что ей снится?

Наверное, нужно было тихонько потормозить её, чтобы кошмар отступил, а после уснуть самому, но он почему-то мысленно сотворил магна-путь – вязь, способную провести в чужие видения. Проследил, как она с легким свечением впиталась в висок маре, после прикрыл глаза.

В её сне он снова вел её к тем домам, где жили родственники погибших. Он держал её руки за спиной связанными, а Мариза едва волокла ноги. Она знала: сейчас снова будут взгляды-жала, слова-плети, чужое горе, как острый меч, порубит её на куски.

«Не надо! – орало её нутро. – Я все поняла! Я все осознала...»

Но навстречу уже бежал от крыльца человек со стулом, готовый шибануть по лицу...

Сидд отделился от чужого сна и какое-то время смотрел на мокрые от слез щеки. Молчал. Мариза беспомощно вздрагивала. После минуты тишины Аркейн зашевелил губами, и мару накрыла защитная сеть от сновидений. Пусть спит до утра в тишине, в безопасной темноте.

«Почему ты это сделал?» – спросила бы она его, если бы узнала о содеянном.

Наверное, потому что им нужны силы шагать завтра дальше.

Наверное, потому что переживать дважды то, что ты уже пережил, не имеет смысла.

Наверное, потому что часть его гнева все же ушла тогда.

А может, потому что он тоже хотел остаться для себя «кем-то». Как и она на краю колодца.

Глава 12

Марица

На этот раз мне досталась «своя» банка тушенки, отдельная. Не половинка от каши, как вчера, – наверное, Сидд думал о том же, о чем и я. Сегодня мы дойдем, достигнем цели, и припасы хранить ни к чему. По часам – утро, по ощущениям – все та же глухая ночь. Чаша привычно крала время, свет и настроение.

Мне, как ни странно, удалось поспать, и эти несколько часов в отключке без пробуждений выправили внутреннее состояние настолько, насколько это было возможно. Мой спутник выспался тоже, но отчего-то был хмур и очень сосредоточен, будто бесконечно высчитывал в уме формулы. Ел он молча, дрова в костер подкладывал на автомате – я удивлялась. Их следовало тушить, а не разжигать, разве нам не нужно вскоре выдвигаться?

– Сегодня дойдем, так?

Инквизитор на меня даже не взглянул, занятый своей ментальной работой.

– Мы вчера прошли большую дистанцию. Ты запитаешь меня, и выяснится, что осталось чуть-чуть...

Мне хотелось в это верить: в свет в конце тоннеля, в то, что скоро я увижу Кьяру, в то, что этот сложный поход наконец завершится.

– Да, мы вчера прошли много, – Сидд впервые взглянул прямо на меня, а не мимо, – и мы бы быстро достигли цели, если бы не одно «но».

– Какое?

Пересоленная тушенка встала поперек горла, не хотелось слушать про всякие «но». Они означали, что что-то не так, а у меня силы на исходе – физические и моральные.

Он ел размеренно, накалывал кусочки мяса на кончик ножа, аккуратно отправлял в рот – вилку отдал мне. Жевал, глотал, не чувствовал вкуса.

– Вчера, когда я просил тебя молчать, я сканировал эту местность на предмет опасностей. – Пауза. Это утро казалось темнее обычного, вернулась прежняя «зловещность». – И выяснил, что у всех иллюзий, мороков и кошмаров имеется одна причина. Некое центральное проклятие, назовем его так. Оно и рассылает их, как гончих, по Топи. Я надеялся, что мы сможем не столкнуться с ним к лицу к лицу, но твоя вчерашняя вспышка...

Мне сделалось неуютно под ровным немигающим взглядом Сидда. Оказывается, его словам «заткнись» имелась причина, вот только заткнуться у меня бы все равно не вышло: было слишком плохо.

– В общем, оно движется сюда, – подвел итог Инквизитор. – Если раньше оно принимало нас за обычных путников, так как ты «неопределенная», а на мне стоял щит, то после твоего черного выброса проклятье учуяло тебя как Темную мару и спешит выполнить свою основную функцию – уничтожить тебя, не допустить к дому.

Я забыла про кашу, про банку, которую держала в руках. И отчего-то начала заикаться.

– Если... мы... выдвинемся сейчас, то сможем обойти его по дуге, н-нет?

– Поздно. Оно слишком близко. Подойти вплотную оно не пожелает, но начнет работать так, что тебе станет сложно мыслить, жить, дышать.

«Да и мне тоже», – слышалось в гнетущем молчании.

Так вот почему мрачно, вот почему чаша вернула свой дремучий душный вид.

«Что нам делать?» – я не задала этот вопрос вслух, но он был написан на моем лице, и Сидд смотрел на меня долго, после ответил голосом, лишенным всяких эмоций:

– Я дам ему бой. Призову сюда, на эту поляну, и ударю.

– А я? – спросила я хрипло. – Верни мне силы...

– Для чего? Чтобы ты спряталась на изнанке?

– Хватит думать обо мне муть! Я помогу тебе...

– Твоя боевая магия очень слаба. Если бы ты вчера шагнула в черный колодец, то сейчас была бы в десятки раз сильнее. Так?

– Так.

Я не понимала, к чему он клонит.

– А эта тварь создана для того, чтобы пожирать определившихся Темных мар. Понимаешь ее потенциал?

Я шумно втянула воздух. То есть я бессильная пылинка, с включенной магией или нет. Однако с включенной мне все равно было бы спокойнее.

– Я могу попробовать протянуть нас остаток пути через изнанку...

– Изнанка Топи может быть напичкана ловушками, как и её явь. Вряд ли Колдун об этом позабыл.

Значит, бой?

Мне было дискомфортно; тьма снаружи подбиралась все ближе, она опять начала вливать в меня грязную мутную воду, шерудить внутри острой палкой.

Инквизитор смотрел на меня, зная о моих ощущениях, и взгляд его был тяжелым, с завуалированным сарказмом.

– Дальше будет хуже. Просто не мешай мне, – пояснил он, поднимаясь, – держись у тех деревьев... – И махнул в противоположную от приближающегося зловещего чувства сторону.

– Ты... ударишь... – Кажется, моя задница приклеилась к бревну, руки стали холодными. – Но что, если этого окажется недостаточно?

– Тогда оно убьет меня. А следом тебя.

Сидд ответил спокойно, буднично. И я, еще десять минут назад размышлявшая о том, что он все-таки хорош внешне, как в стильном драповом пальто, так и запыленной походной куртке, теперь смотрела на него с надеждой и ужасом.

Он рисовал вокруг себя знаки: один, второй, третий – очень сложные руны. Активировал их – символы наливались светом. Призыв «чудищу» он уже отправил, и этот призыв прошел по лесу, кольхнул на деревьях мертвую листву, поставив волосы на моем загривке дыбом. Проклятие нас услышало, почуяло, что мы желаем «встречу», налилось гневом. В той стороне, откуда оно приближалось, трещали стволы; мне хотелось слиться с почвой.

Я никогда не видела Сидда таким – безучастным внешне, но наливающимся силой внутренне. Мне казалось, я вижу, как разбухают от мощи его невидимые мышцы, как наливаются магией волокна, сосуды, нервы. Воздух вокруг его фигуры начал гудеть, поблескивать от пробегающих разрядов. Страшное зрелище и очень красивое. Жесткое лицо, уверенная поза с расставленными ногами; удар будет не просто сильным – он будет сокрушительным. Но хватит ли этого?

И, боже, вчера он хотел «наградить» меня этим. Да все мои кишки размотало бы по этому лесу. Я бы, конечно, «царапнула» тоже, я бы постаралась...

Сейчас думать об этом не хотелось, сейчас мне хотелось присыпаться листвой или золой, лишь бы то, что приближалось, меня не увидело. А она, тварь, уже издавала жуткие булькающие звуки, она шла прямо на нас, состоящая из сплошной ненависти. Ломались сучья деревьев, дрожала почва, выл стоявший до того неподвижно воздух.

Сидд продолжал концентрировать мощь. Вокруг него горели алым руны, обвитые черным дымом, и в каждой из них мне виделся символ войны. Еще туже деструктивный шар внутри Инквизитора, еще плотнее...

Когда его, монстра, стало видно, я попятилась назад, запнулась, повалилась на землю. Он был огромен. Тело паука, клешни спрута с острыми когтями на концах. Жуть заключалась в том, что центральная часть тела адской твари, имеющей множество пар глаз и еще больше

клыков в гнилом рту, вращалась, как детская игрушка, – как спинер, как сумасшедший робот, – и клешни, расположенные веером, рубили стволы ближайших деревьев. Стон, вой, треск, ужас. Клешни метались жгутами, хлыстами, безумными веревками – несколько десятков пар.

Мне стало мутно от ужаса. Тело Сидда налилось красноватым светом, завибрировало. Визжал воздух, визжало небо. Летели кора, сучья и щепы – все, как острые стрелы, – мне оцарапало щеку. Там, откуда вышел «паук», стелилась теперь вырубленная плешь, шириной в четырехполосное шоссе. Кусок тьмы, злобный рот, проклятие, жаждущее смерти...

Секунда застыла.

А после Сидд ударил.

Мне показалось, что случился ядерный взрыв. Все на мгновение стало белым, слепящим: белые стволы, белое небо, белая хвоя под ногами. Через меня с ужасающим чувством пронеслась соскребающая внутренности наждачной бумагой волна. И, Боги, это ведь даже не мне предназначалось, я находилась под защитой, и все равно боль адская...

Как в замедленном сне, я, стоящая на карачках, подняла голову – тело паука, раздробленное на части, разлеталось в разные стороны. Куски, кровавые ошметки, черные комья, слизь... Все еще вились кольцами щупальца, силились отыскать добычу. Как обрубленные веревочные куски, они цеплялись за деревья, ударялись о стволы, падали в траву, сворачивались там змеями.

Надо мной что-то просвистело, ударило за спиной, что-то хлопнуло рядом.

А после я увидела, как один из толстых обрубков, имеющий на конце коготь, летит, вращаясь, в сторону Инквизитора. Как прорывается сквозь истончившийся щит (уже мертвая, не принадлежащая пауку клешня, все равно живет своей жизнью), как он чиркает Сидда по животу. Противный звук, ощущение вспоротой плоти, мужские руки, прижавшиеся к ране.

Он стоял какое-то время, и я даже успела подумать, что все обошлось.

А после Инквизитор начал падать.

Сначала тяжело опустился на колени, после, качнувшись назад, завалился на землю спиной. Ударился головой о хвойный ковер, замер.

* * *

Любое проклятие, чья структура разрушена, теряет физическую форму. Так случилось и с «пауком». Теперь его части и обрубки медленно становились призрачными, расплывались, исчезали. Я с удивлением наблюдала за тем, как очищается от сгустков тьмы поляна, как светлеет над рошей небо. Каким чистым здесь, оказывается, был изначально воздух, теперь даже дул свежий ветерок.

Морок исчезал. А рана осталась.

Я держала её, зажимая тряпкой, ощущая смесь отчаяния, досады, печали и злость. Кажется, беспомощность стала моим вечным, постоянным спутником. Глядя на бледное лицо Сидда, мне хотелось выть волком: сложно было включить мне перед боем магию? Сейчас она пригодилась бы, сейчас я могла бы срастить края раны. Будь я наполненной марой, я могла бы шепотком склеить волокна, остановить толчками идущую наружу кровь... Но я была марой пустой. Чертов упертый Инквизитор! Сложно ему было?!

Поляна была завалена щепками. Кусок ствола повалился на палатку, промяв её. Всюду ошметки коры, грязь, ощущение свершившейся битвы. Пустота на месте тела черной твари, и лишь вырубленная щупальцами широкая лесополоса напоминала теперь о том, что все было правдой. Был морок, адов монстр, и его коготь вспорол Сидду пузо.

Тряпка пропиталась кровью насквозь; я качалась из стороны в сторону. Невозможно зарядиться от него такого, опустошенного, да и поставленный на меня «блок» не позволит. Сплошные тупики.

«Можно добить, – мелькнула темная мысль, – просто перерезать ему сейчас горло его же ножом и идти дальше». Часть моего разума, предложившая этот сценарий, не дождалась от сердца никого отклика. Да, можно. Бросить его здесь погибать, отправиться спасать Кьяру, пригвоздить ломом к стене Мэйсона – магические орудия все равно недоступны. Можно забыть о том, что существовал некий Инквизитор, что в последнее время он отравлял мне жизнь... Но края моей внутренней трещины от этого, увы, не зарастут, они сделаются шире. Их уже не срастит ничто, но еще одна смерть... она не принесет мне ни утешения, ни успокоения. К тому же Сидд вытащил меня вчера из пропасти...

Всю сознательную жизнь я ненавидела собственную беспомощность. Маре вообще не должно быть знакомо это чувство, у неё всегда есть возможности от него уйти, сбежать, отвернуться. Отнять чужие силы, напитать ими свое могущество, но я то ли родилась ущербной марой, то ли стала таковой – отбирание энергии у других никогда не приносило мне радости.

Под глазами на мужском лице залегли тени; ладони Инквизитора остывали. Он терял кровь, он терял жизнь.

Я поняла, что должна вновь разжечь огонь, подтащить его ближе.

Перетянув рану, насколько это было возможно, я оставила раненого лежать на земле. Сама, закрыв лицо руками, сидела на бревне.

Что мне делать? Что же делать?

Есть вероятность, что у него хватит сил выкарабкаться. Что у него хорошая регенерация, что сработает некая формула самолечения, что наполняющая внутренний сосуд магия окажет помощь. А если нет?

Топь больше не была прежней Топью, она сделалась обычным лесом. И радоваться бы этому факту, но мне тяжело. Как помочь? Шить я не умела, хирургических инструментов в сумке не нашлось.

Лишь вновь чувство, что я маленькая и бессильная, потерянная на целом земном шаре. Что от меня ничего не зависит...

«Это не так».

Я даже дернулась, когда мне послышался голос Кьяры. Казалось, я сейчас открою глаза, а она сидит со мной на бревне рядом, совсем близко. И что она окажется в платье, со светлыми волосами, сплетенными в косу. Я отняла ладони от лица, повернула голову – никого. Конечно же.

Но её голос продолжал звучать в моей голове.

«У тебя есть магия, Мариза».

«Она заблокирована», – отозвалась я мысленно. С кем я разговариваю – сама с собой? С призраком подруги, её проекцией?

«Светлую энергию нельзя заблокировать. Тьму – можно. Любовь – нет. А какая энергия целит?»

«Светлая».

Мне казалось, она улыбается. Как всегда весело и чуть снисходительно, как старшая сестра.

«Значит, она в тебе есть».

«Откуда мне взять светлую энергию, если я так давно погрязла в чувстве вины и безнадее?» Взметнулась привычная злость, но тут же осела, растеряв запал.

«Помнишь то чувство, которое ты испытала, взглянув на него однажды? Помнишь ту свою любовь к нему из другой жизни?»

Я её помнила.

«Нырни в неё. Позволь её себе. И она даст тебе силы»

«Я... не знаю. Я не уверена...»

«Проверь».

Мне так и казалось, что она сидит рядом. Что болтает ногами, что смотрит прямо перед собой – странно сдержанная внутри, но беззаботная снаружи.

Я даже провела по шершавой коре пальцами, надеясь отыскать на ней след чужого тепла, но кора была корой – сухой, прохладной.

Следующие пару минут я переваривала «подсказку». Все верно, этот метод может сработать, потому что Сидд мне не чужой. Я прятала это чувство глубоко внутри, зная, что, извлеченное на свет, оно не принесет мне ничего, кроме печали.

Теперь просто поднялась, двинулась к мужчине, лежащему чуть поодаль от костра.

– Привет, – шепнула ему, опускаясь на землю рядом. – Ты помог мне вчера... Думаешь, я брошу тебя теперь?

«Тебя. Того, кого я когда-то очень сильно любила...»

– Думаешь, я уйду?

Он не отвечал.

Мне предстояло проделать то, что делать не хотелось, – вернуться в тот день, когда я в чужой комнате висела на цепях, вспомнить тот взгляд, еще раз нырнуть в наше прошлое.

Стоя рядом с ним на коленях, я закрыла глаза и погрузила себя в воспоминания.

Вдох-выдох.

Толща времен. Не осталось вокруг ни этой планеты, ни какой-то иной. Лишь ощущения, лишь взгляд напротив. Все более ясный, ведущий к себе как маяк.

И вдруг он вынырнул из тумана, Инквизитор. Его фигура. Фигура эта была печальной, потерянной, очень одинокой. Мощный вроде бы мужчина, красивый снаружи, пустой внутри. Я позволила себе сделать шаг к нему.

Он раздавлен, он устал, он уже давно никого не ждет. Никто давно не согревал ему сердце, никто не осмеливался даже подходить близко.

Еще шаг...

Я протянула ладонь, положила ему на грудь.

«Я тут. С тобой».

– Может, мы не поладили с тобой в этой жизни, – произнесла тихо-тихо, – но разве это важно? Я узнала тебя.

Он не узнавал меня пока. А я не отступлю теперь.

«Позволь себе погрузиться в это чувство», – сказала Кьяра. Легко сказать...

Но каким-то непостижимым образом я отперла внутренние заслоны, приблизилась еще и погладила мужские щеки.

– Ты отогреешься. Все будет хорошо...

Несмело я обняла его, позволила себе прижаться, расслабиться рядом с ним. Пусть он ничего не помнит, зато помню я.

Я нырнула в тот его взгляд, который когда-то увидела, как в сияющий колодец, – тепло-тепло. Мы были вместе, потому что нам так хотелось, потому что мы обожали друг друга, потому что видели друг в друге кого-то особенного.

– Не уйду, не оттолкнешь.

Он не отталкивал. Он вдруг выдохнул и наклонился ко мне лбом, признавая право на мое присутствие тут. Он принимал помощь – я обняла теснее.

Вынырнув из воображения, я поняла, что судорожно дышу, потому что мои пальцы искрятся, – Кьяра была права. Светлую магию нельзя заблокировать, ей нипочем блоки и барьеры. Если она есть, она пройдет сквозь все.

– Сейчас, сейчас, – я быстро убрала повязку, которую наложила на живот Сидда, откинула тряпку в сторону, принялась шептать целительный наговор. Формула ткалась вокруг глубокой раны, мерцание зацепилось за порванную кожу, приготовившись её стягивать. Но энергии на это не хватало, нужна была еще магия, еще чувства.

– Ладно, – выдохнула я, снова прикрыла рану повязкой, а после – «стрелять – так стрелять» – легла на Инквизитора сверху. Пусть будет полный контакт аур. Формула уже наложена на рану – как только пойдет добавочный поток магии, она заработает в полную силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.